



смена

№ 13 ИЮЛЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКОВА



...ВАШИМ,
ТОВАРИШ,
СЕРДЦЕМ
И ИМЕНЕМ
ДУМАЕМ,
ДЫШИМ,
БОРЕМСЯ И ЖИВЕМ!



С ИМЕНЕМ.

Фото Валерия ЛАГРАНКА



Л

енинский комсомол? Вот уже 50 лет мы с гордостью произносим эти два слова. А когда комсомол еще не назывался Ленинским. Более того: комсомол не сразу стал называться комсомолом. На его первом съезде в 1918 году шаровая дискуссия по поводу названия. Существовавшие до съезда организации наименовались, в зависимости от этого просто социал-демократами, иногда социалистическими союзами рабочей молодежи «III Интернационала». И вот осенью восемнадцатого года решено было принять единое для всех организаций название. Все склонились на том, что юноши революции, чей путь освещен партией большевиков, вправе называться коммунистической.

Спор шел лишь о том: быть Коммунистическому союзу молодежи или Социалистической молодежи РККА или РСКА?

Дело дошло до того, что президент первого съезда решил просить совета у самого Ленина. Отправили в Кремль делегацию, в которую входил и мой старший соратник поэт Александр Безыменский. Вот как он рассказывал об этом: «Вот когда один из членов делегации сообщил Ленину, что хотят решено назвать союз Коммунистическим, Владимир Ильич спокойно сказал: «— Давай не в назывании...»

— Но мы оправдаем это название! — вырвалось у кого-то.

Ленин удивился, слегка задумался и медленно промолвил:

— Вот тогда будет хорошо...»

Молодым предстояло оправдать это звонкое, пронычное ныне, вошедшее

шее в качестве нового слова в русской [и не только русской] языке: КОМСОМОЛ.

Мы об имени своем не знали. Мы о нем гудели гудом пищел. Издевательски звали нас: «Комсомолы!». Искали это слово «именословом».

На снимках Замоскворечья Цветаевы гуляли в парке. Улицами Пресни шли на встречу Радостному слову: комсомол.

Не в его ли наименованной орбите Сердцецком подземки заводской Юности в те далекие годы Пингер вместе с красной Москвой?

Слав в бою под ленинским знаменем, Юности наших городов и сел с честью выдержала свой экзамен. На созданье слова: комсомол...

Перечитывая эти строки, написанные мной в геронические годы первой

патриотич., а подумали: не слишком ли громко сказано в них насчет выдержанного экзамена?

Тут пришлося мне обратиться к моему личному воспоминанию о III комсомольском съезде, на котором выступил Владимир Ильин, сказавший, что свой военно-патриотический долг перед молодой республикой комсомол выполнил, что объединение своих сил для поддержки рабоче-крестьянской власти против нашествия капиталистов мы «прекрасно поняли».

Суровым экзаменом были для комсомола годы гражданской войны. И он выдержал его. Воевые подвиги комсомольцев по заслугам оценены Родиной.

Л помню даление годы, Суровые дни и дела.

ЛЕНИНА

Александр ЖАРОВ.

В бои и в походы
Нас партия наша вела.

Вместе с коммунистами рядом
Героико поступать шел
В военных отрядах
И в мирных отрядах
Советской страны комсомол.

Да, и в мирные дни держала экзамены на зреость комсомолия. Звонко воспели первые же героя писателями, поэтами, художниками, композиторами. Герои гимнестик строек социалистического созидания, Магнитогорска, Трехсбы и Московского метро. Стalingрадского тракторного и Горьковского автомобильного — какнулся мне очень похожим на героя книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Лучшие черты Павки Корчагина и Сергея Брузника, Риты Устинович и Валентины Жарковой вижу я и в чехо-живых героях Великой Отечественной войны: Зое Космодемьянской, Саши Чеканенко, Лиде Чайкиной, Олега Кошевого, Викторе Талалихине... О таких, как они, сложены песни!

Встречали мы твердо и смело
Фронтовую патриотическую школу.
И слава Гастелло,
Над нами гремела,
Матросова подвиг свиреп.

С двадцати четвертого года комсомол успешно дергает эстафету от пред-
вазывающейся Ленинским.

Семидесятый съезд ВЛКСМ собрался накануне 50-летия со дня при-
звания комсомолу имени Ленина. Комсомольцы доказывали партии о том, что они, увлеченные грандиозны-
ми масштабами коммунистического стро-
ительства, жаждут творческого труда.
В своих выступлениях делегаты рассказывали о замечательных свер-
шениях комсомола, всей советской молодежи. Но рапорт было так
много, что не все они могли быть
пронесенными с главной трибуны
съезда.

Накануне съезда в ЦК ВЛКСМ по-
бывали многие делегации. Представ-
ители коммунистических республик и обла-
стей краев, делегации из стран, членов
работы своих организаций. Рапорты эти принимали секретари Центрального
Комитета ВЛКСМ вместе с ветер-
анами комсомола. В числе ветера-
нов был и я.

Мне было необыкновенно радостно
сознавать, что нынешнее комсо-
мольское поколение с огромной от-
ветственностью продолжает дело, начатое нашими комсомольцами первы-
ми революционерами.

Ветераны труда и воины, знатные
трудожилы сельского хозяйства, ген-
ералы и адмиралы, деятели науки и
искусства, все мы, в разные годы из
рядов комсомола входившие в боль-
шую жизнь, вновь чувствовали себя
комсомольцами. А я даже повторил
про себя свою строку:

«Онти же я, отчего я,
Не ворча под нос, не нога,
Все делаю наустрою?
Отчего? Не знаю я,
Что помысли в комсомоле
Всей душою состою!»

Участие ветеранов комсомола в ра-
боте XVII съезда ВЛКСМ символизи-
зировало единство и преемственность
комсомола всех поколений, в боях
и в труде присягавших на верность
Коммунистической партии, величай-
му имену Ленина.

Интересно, что трудовые рапорты
комсомольских организаций неизмен-
но дополнялись наглядными свидетельствами рабочей доблести. От ком-
сомольца и молодежи Ленинграда съезду были преподнесены подарок, состоящий из двух фотографий рабочего коллектива и колхозного кресть-
янства — модель новейшего трактора К-701, изготовленного на Ленинград-
ском заводе имени С. М. Кирова.

Принять эту модель поручили мне.
Заключая свое ответное слово, я скажу:
В полную даль и ширь
Вышел трактор-богатырь.
Он идет за хлеб сражаясь —
За хлеб, который мы хотим.
От рабочих-ленинградцев
Шел селу поклон земли...

А молодое село по-своему клян-
илось городу, рабочим поселкам, но-
востроикам. Исклучительно ярко
прозвучали на съезде выступления ге-
роев целины, имена которых с отеч-
еской любовью были названы в ре-
чи Леонида Ильича Брежнева в Алма-
Ате.

Громом аплодисментов были
встречены слова забойщика угольной
шахты «Булавинская» из города Ена-
киева, Донецкой области, Анатолия Осыка:

«Я обязался завершить в этом году

свой восмой норму. Уже сего-
дня на моем рабочем календаре —

июнь 1977 года».

Вот так оправдывают сегодняшние
комсомольцы название своего Союза:
Пример таких героев, как Анато-
лий Осыка, адвокованы и зовут апре-
ренаду.

В атмосфере стремления и новых
подвигов проходили комсомольский съезд, напутствовавший первых до-
брьольцев, вызвавшихся отправить-
ся на строительство грандиозной
Байкало-Амурской магистрали. Им предстоит подвиг величественный и
трудный. Но свершить его в современ-
ных условиях будет все же легче,
чем в те годы, когда первые ком-
сомольцы прошли по узкоколе-
йной дороге. Вспомним, как писал
Корлагина «С самого призыва сюда
он страдал из-за тухлых сапог, всегда
сырых и чавкающих грязью; сейчас
же одна подошва отлетела совсем, и
голая нога ступала в речную-холод-
ную кашу...»

Когда это было! Это было именно
тогда, когда В. И. Ленин в непоколеби-
мой уверенности говорил нам на III съезде: «Мы хотим России из стра-
ны нищей и угбогой превратить в стра-
ну богатую...»

Странно, могучей и богатой, глав-
ной силой мира и братства трудя-
щихся всей планеты, главной много-
национальной Советской Союз. Не-
мало сделали для этого верный сын
Коммунистической партии, наш род-
ной комсомол, по праву называю-
щийся Ленинским.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 13 (113)
ИЮЛЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА.

Работа художников
Олега ВУКОЛОВА
и Артемия ШИПОВА



11
«КРАСНЫЙ СТЫК».
Репортаж
со Всесоюзной ударной
комсомольской стройки.



20
ДЖУЛЬЕТТЫ
МАРИНЫ НЕЕЛОВОЙ.



22
БОБРИНЫЙ УГОР.
Отрывок из книги
Ал. МИХАИЛОВА
о творчестве поэта
Александра ЯШИНА.



28
«ТРОЯНЕЦ» ИЗ БЕРЛИНА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**БАМ НАЧИНАЕТСЯ. РЕПОРТАЖ СО ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ**

**ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
БЕСЕДА С ПРОФЕССОРОМ КАРЦЕВЫМ**

**МОНОЛОГ АКТРИСЫ ЦИРКА ТЕРЕЗЫ ДУРОВОЙ
С КОММЕНТАРИЯМИ
ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ АБРАМОВА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

© Издательство «Правда» «Смена» 1974 г.

СМЕНА 1

Незабываемым праздником единения всех комсомольских поколений стал последний день работы XVII съезда ВЛКСМ, когда состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Перед взорами делегатов в этот знаменательный день по авансцене Кремлевского Дворца съездов прошла как бы вся история нашего комсомола.

В присутствии руководителей Коммунистической партии и Советского правительства съезд горячо приветствовали прославленные представители всех поколений советского народа.

ОТ ИМЕНИ ВЕТЕРАНОВ КОМСОМОЛА — ДЕЛЕГАТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ШЕСТОГО СЪЕЗДА ВЛКСМ XVII СЪЕЗД ПРИВЕТСТВУЕТ ВИДНЫЙ СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ В. А. ЗОРИН.

Фото Алексея ГОСТЕВА
и Геннадия КОПОСОВА

ИЩИТЕ СЛОВА ДЛЯ ПЕСЕН

**Юрий КАЛЕЦУК,
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты «Смены»**

— Б от так, Васильич. При очередном наращивании инструмент не пошел...

Метрусенко остановился в дверях, хмыкнул: «Ну, дела...» Макарцев кивнул ему и продолжал говорить по радио. «Тесла висела высоко, и, чтобы достичь ее, я сидел на ступеньках, положив на стул, придерживая подбородком сплюзвающий с плен ватник. Ночью была метель — запоздалая, апрельская, беспросветная до ярости; перемешавшая снег с грязью, прогромышила щитами укрытий и умчалась, добавив к привычному неуту временного жилья разорение последнего бестуга; было холодно, как бывает холодно ветровозенным утром, в сумрачном озобе недосмотренных снов, когда все решительны зры, когда суть работы ускользает и не знаешь, с чего начать и за что браться; а время уходит...

— Примоднялись над заботом на три свечи, восстановили циркуляцию. Вроде пошли. Начали сноса наращиваться — но тут-то было.

«Всплалось капитально», — подумал Метрусенко. — Макарцев, видать, и не ложился. Ну, дела...

Какая-то чертвщина, — сказал Макарцев, вонтируя трубку в гнездо и опустившись на стул, кутаясь в ватник. — Да заботой не можем. Стенки валият...

— Забой 505 метров, — прочитал Метрусенко, раскрыв вахтовый журнал. — Да-а... Я-то думал, уже за восемьсот рванули.

— Вторую вахту упираемся.

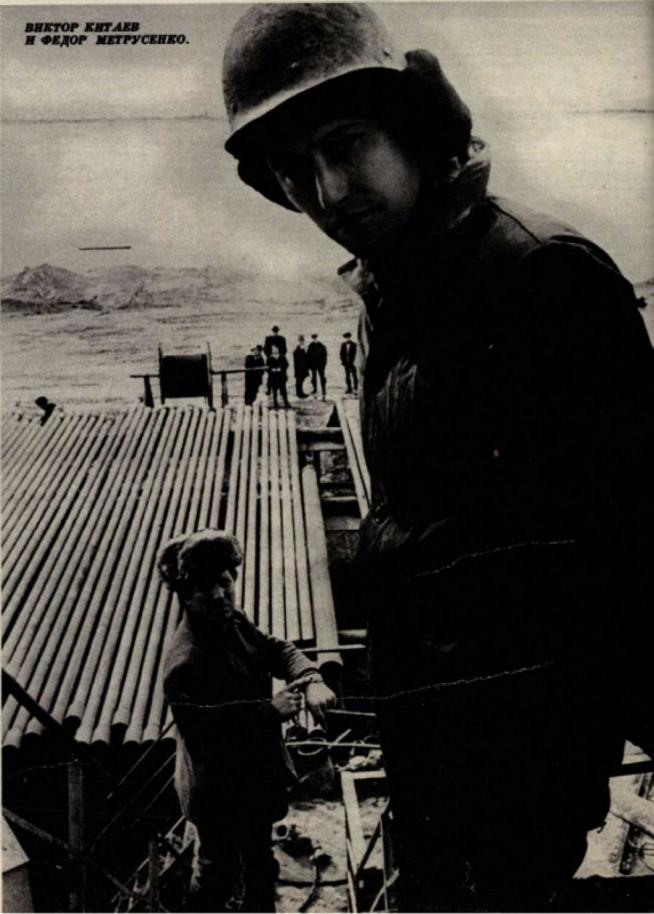
Слушай, а может, шароны потеряли? Макарцев, сидевший в темноте мальчик, во остро, пронзительно, лица на лице Метрусенко облесок погашенной или затянутой улыбки. Не нашел. И заговорил медленно, нежно, словно сам себя убеждал или с собою же продолжал спорить:

— Да нет, откуда... Новое долого, ст метров не прошли... И опять же — шлем... Нет, быть этого не может. Тебе, Федя, с той поры всюду шарошки мерещатся...

— Еще бы, — вздохнул Метрусенко.

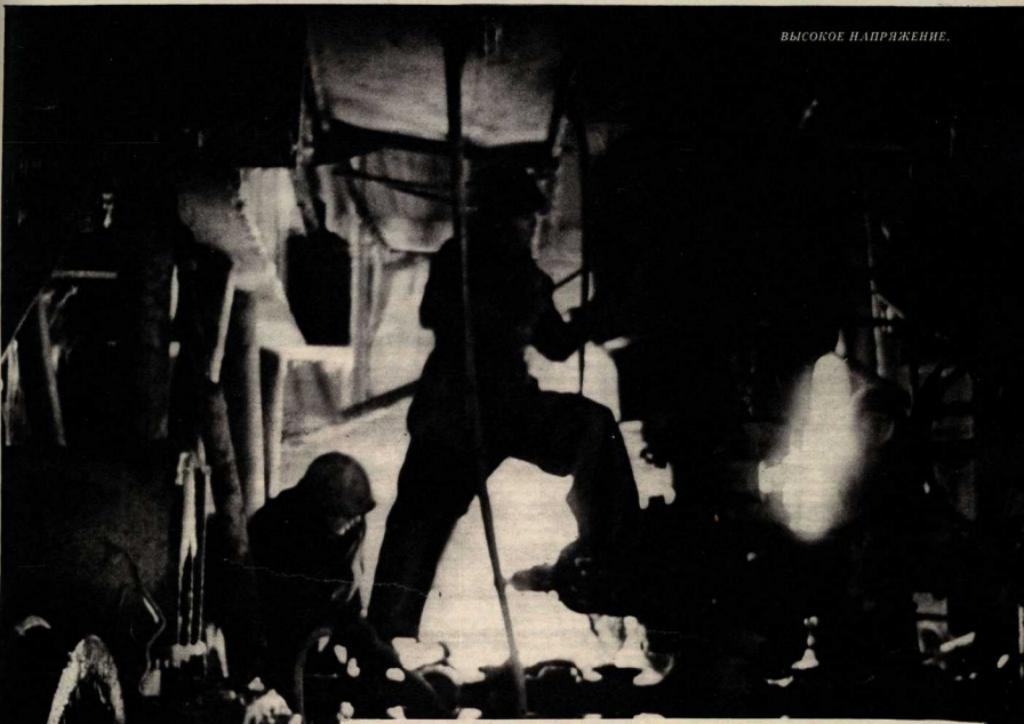
Только месяц с той поры и прошел. Ничто не

**ВИКТОР КИТАЕВ
и ФЕДОР МЕТРУСЕНКО.**





ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ.



Когда верстался этот номер, в редакцию пришла телеграмма:

Комсомольско-молодежная бригада Китаева Нюкневартовского управления буровых работ эпз взявшая социалистическое обязательство выполнить пятилетний план в объеме 209 600 метров к 50-летию со дня присвоения комсомолу имени Ленина эпз выполнила его досрочно 1 июня 1974 года тк за пять месяцев определяющего года пробурено 35 386 метров при плане 19 300 тк до конца года пробурить еще 50 тысяч метров тк буровой мастер Китаев партгруппор Пятков профгруппор Вавилин группкомсорг Юсупов

ЦВЕТ СОВЕТСКОЙ НАУКИ — ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИЙ, АКАДЕМИКИ ПРИВЕТСТВОВАЛИ ДЛЕГАТОВ СЪЕЗДА ОТ ИМЕНИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАШЕЙ СТРАНЫ.



ГЕРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
НАЧАЛЬНИК КОМСОМОЛЬСКО-
МОЛОДЕЖНОГО МОНТАЖНОГО УП-
РАВЛЕНИЯ ГЛАВМОССТРОЙ Г. В.
МАСЛЕННИКОВ ВРУЧАЕТ КРАСНОЕ
ЗНАМЯ ВСЕСОЮЗНОМУ УДАРНОМУ
КОМСОМОЛЬСКОМУ ОТРЯДУ СТРОН-
ТЕЛЕЙ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИ-
СТРАЛЫ.



забылось: и как заступили на вахту, и каков на-
строение тогда было. Скучно, надо сказать, бы-
ло настроение. Но иным и быть не могло: забой
около двух тысяч, скважины скорее всего
закончились, а денег на покупку нового долого
требовало. Нашли подъем, понти сопня свечки. А
время уходит. Как бы вдохновлено ни рассказы-
вали о достоинствах любого труда, для Метр-
секкоенно счастья умирало, если не было азарта: скоро-
сти, азарта бурения, азарта работы, которую мож-
но измерить, сравнить, сопоставить, о которой не-
скажешь лишь расплывчатыми словами: «Все
лучше, чем оно». И вот оно, это время, вот оно,
— Подиум инструмент. Давно это следовало
делать, еще в ту вахту: шарошеница на забое ос-
тавила. Терпеть надо размывать, прикладывать, искать выход. А время уходит. Пискнули Метр-
секко, спустив новое долото — разбурить шаро-
шеницу пытаясь. Оставили на забое еще две. Потом их
три для растаскивали.

— Ну, тогда Китаев рассвирепел, — вспомнил Метрусенко.

— Еще бы.

— А Усольцев сказал: «Ты, Метрусенко, рвач. Тебе только метры нужны. У тебя даже фамилия такая — Метр-усенко!»

— вот что, Федя,— сказал Макарцев.— будем нарабатывать раствор.

— этажи:
Нахлобучил

сменился дождем, лишь ветер не менялся. Кати-ли одна из других по песчаной насыпи через эзен «татты», оранжево мерцая боками, — строили новую дорогу. Нахально и дерзко под прямым углом пересекали Тюмень-Кемерово Тюмень-Барнаул. Тракторы скрестили будорос на дымящем берегу, готовились к погрузке. Прострекстад над головой вертолет, пошел с подавкой, — наверное, на Варь-Еган. Бездна жипела, везде продолжалась работа, и кажется, во всем мире только они одни стояли.

— Дожидались, — сказал Метрусенко. — Ну, деда. Он приехал на Самотор пять лет назад, успел побывать и в тот раз, это было, было он уже стариком, где-то из Бердска, — привозил яичницу, сметанник, изванивавшуюся от приправ, любовно накрывавшую на стол, когда начинали копаться. Но больше у него в нему тянулись, и сейчас в его доме всегда толпятся люди — вахта и бригады, охотники и рыбаки, друзья и просто знакомые, — сказала Шурал, ее жена улыбнулась к этой вечной толпе, или очевидно постаралась привыкнуть, но не поддалась, — и вспомнила, что в ее прошлом, в далеком прошлом, в добре, когда вас выслушали, или помолчали, слушали других. Даже если вам пассятком, что пятнадцати Коли, не жади иди в детский сад, за первую в уборной и второй час поет: «Быть может, ты покинешь меня; или я том, где надеялся собирать брусничку и потому «Москвицы» лучше «Киевлян». Или о том, как снималася захватывающий, полны невыясняемых достоинств, притча о любви, которую был Толя Ноятичко, с пренебрежением, которым ходили дома; а в это — о работе, о метрах и километрах, о том, как дистанции эти прокладывали метром.

В этом году он твердо решил стать первым, и он идет первым, опережая Сухорукова, Серикова, Богданова.

— И неохота поднимать инструмент, и делать ничего. Давай все-таки сменим долото, а? — предложил Метрусенко.

— Давай, — сказал Макарцев.

Лапа долота была оторвана начисто. Две оставшиеся широкинки сверкали заводской остройкой.

шиевые шарочки сверкали заводской остротой зубьев, на месте третьей серебрился разлом.

— Ночью сломали, не иначе,— сказал Макарцев задумчиво.— У меня была такая мысль, но она показалась мне фантастической. Шлам меня смутил, шлам валил капитально...

— Сломать не могли, нагрузок таких не было. Это заводской брак.

— Возможно. Оставим долото для истории. Черт, хоть с одним хорошо — ясность появилась. Я попытка голову ломал. Стенки, конечно, тоже сыпало. Тут одна причина за другую зацепилась, затуманила все. Теперь будем действовать. Сейчас я Китаеву позвоню...

До того, как уйти в технологии, Макарев работал в киевской бригаде. Сейчас он работает с ней, хотя можем по-прежнему говорить, что в нее сутками пропадают на бурении, не оставят даже покои не доведет его до конца. Небольшой рост, судяйский, в очках, с температурой ему не страшна, не боится, не жаждет соприкосновения. Он учился некоторое время в геологическом университете в геодинамической лаборатории и сейчас бы, наверное, служил в добывочных рядах Советской Армии, не ведая о Самотворе, если бы не сокращение армии, неожиданная свобода выбора и неизвестность, недолгие раздумья и Кубышевский политэкономический институт. С Китаевым они непохожи, да и задачи у них все же разные: Макарева интересует технология, сближение геологического-технического наряда, в уже потом мете; для Китаева главное все те же проклятые метры. Китаев спасливый и рисковый, но отходы складываются между ними, как между трупами. Оба они киндершины, или легко дружат с детьми. Китаев умеет слушать, это можно безумством; Макарев может оценить, насколько безошибочно кажущееся скрижаловыми киевского предсказанием. Работа на Самотворе требует подчас неожиданных инженерных решений, и надо уметь принимать их быстро. Оба это умеют.

быстро. Оно это умеет.

Китава принял бригаду, которая верила лишь в опыт, ценила только практическую хватку. Выражение «грамотный бурякищик» появилось в бригаде позднее. Демонстративно снисходительные «практики» учились цепко, с тайной ревностью.

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ТРУДЯНКИ ПОЛЕЙ, ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ ПЕРЕДАЛИ СЪЕЗДУ ПОДАРОК — КОЛОС И ЛЕМЕХ ПЛУГА, СИМВОЛЫ ХЛЕБОВОГО ДЕЛА.

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ВЕТЕРАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН ПОЖЕЛАЛИ 34-МИЛЛИОННОМУ ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ ДОСТОИННО ПОДДЕРЖАТЬ ПОСЛЕДНИЕ БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ВПРЕДЬ БДИТЕЛЬНО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ МИРА И СОЦИАЛИЗМА.



Появились и молодые бурильщики с техникой на плечах. Макарцев замечал, как менялись настроения в brigade. Менялись и скорости, росли метры...

Нет, одни задания были у него с Китаевым...

— Что там слышно, Васильчук? — спросил Макарцев.

— Аудиот... — отозвался Китаев.

— Предлагают извлекать магнитный фрэз?

— Вроде того.

— Соловьёвского решения. Так мы и до забоя не дойдем.

— А мы будем бурить. Здесь породы мягкие — затолкаем.

— Эксперт, готовится сенсация для «Гипротюменнефтегаза».

— То есть?

— Приехали нудам оттуда, он сейчас на буровой. Ему нужны пробы шлама с плюсом — семисот метров. Найдут в шламе металла — заканчиваются. Новая аномалия! Чудо природы — и нефть и мёд!

— Ладин тебе. Пусть находят. В общем, я сей-час приеду.

— Давай, Васильчук.

— Пробился-таки Метрушенко. Ну, упрямый чёрт, — сказал Китаев. — Пробурил квадрат, сейчас наращивается.

— Да, бурильщик он классный. Таков чутче...

— Но начальники смеются позовонить. Нам ведь так и не дозванивались бурить.

— Но и мы запретили Соловьёвского решения.

— Алло, это Китаев. Ну, что у нас? Прошли пятнадцать метров. Нормально. Шарошка нигде нечувствуется. Вот так.

Даже погода повеселела. Солнце выглянуло, но теплее не стало. А сон отпустил. Так всегда бывает, при любой усталости; если что-то удаётся, если что-то не зря. Макарцев в Китаев сидел молча, время от времени поглядывая в окно

кульбюдки, за которым открывалась буровая. Шло бурение.

— Я как-то с базы звонил на буровую, — вспомнил Китаев. — Метрушенко подходил: «Что делаешь, Федя?» — «Буру». Ну, да. По-моему, он может бурить, пока вышка не рухнет».

Но ты погоди, Васильчук! Бригада за год

выбрала для молодых бурильщиков — Мураштова

и Метрушенко! Оба были первыми помбурами у

Метрушенко. Есть им что брать у него, и это он

отгадывает умеет.

К Метрушенко Китаев относился двояко.

Была в нем и преданность бурению и какая-то бесцеребрность, легкость, тревожащая нетерпение. Китаев сам любил рисковать, умение рисковать, и это другое дело: мера риска должна соотноситься с мерой ответственности. Иначе риск переставал быть риском и превращался в бесплодную авантюру. Та история с шарошками, которые Метрушенко пытается разобрать румынским долотом, прекрасным скоростным долотом, но легким, со слабой опорой, привела Китаева в состояние трепета. Он привык к тому, что виновник неизвестной аварии — Усольцев — скажет, что увольняет Метрушенко из бригады. Усольцев, у которого с Федором были какие-то свои счеты, тут же согласился. А наутро Китаев снова пришел к Усольцеву и сказал, что погорячился, что Метрушенко наказан уж слишком, его временно в подготовительную вахту перевели, это же для Метрушенко — это ошибка хендера, в бригаде его надо оставить. «Ты всех их покрываешь! — замечал Усольцев. — Глуп, пора, этих рабочих, — не гнать, а поправлять, воспитывать...» Еле упросил, но с тех пор как будто и сам стал относиться к Метрушенко несколько настороженно.

— Да, отдаваться он умеет...

Метрушенко стоял у пульта и ничего не видел, не замечал: светило ли солнце или шел дождь, — он только следил за плашущей стрелкой, свечи рябками шла вниз, оставался час до конца вах-

ты, а может, к меньше часа, шло бурение, шли медленные метры, а время уходило. Нет, он видел все: и как кончились дожди, и как выплынуло солнце, и как Валерий Гречишко, бывший лучший его верховой, управляется с ключами, привыкая к обязанностям первого помбура, то что делают Кола Суровый, Иван Гарифуллин и Ринат Сирдобинов, новый помбура в вахте он все замечал, а еще видел, как ражаки шла вниз сече, шли медленные метры, а время уходило...

— А что дальше будет? — спросил Макарцев.

— Даешь! Правка, — сказал Китаев машинально. — Хотят и не хочется.

— Но придется. Двухшарошечный долотом мы еще не бурим, — усмехнулся Макарцев. — Ведь со сломанной лапой вахта Богданова метров пятьдесят пробурит, а вахта Сурова метров уедет от азиатского — одному Богу видно.

Вашел Метрушенко и, не снимая каски, молча стал заполнять вахтовый журнал.

— Сколько пробурим, Федя?

— Шестьдесят пять. Разве это метры А-а... Вот сейчас Суровый — только бур. За четыреста вязать должен. Пусты берет.

Сериков взял 455 метров. Этими экипажами закончились еще один день бригады Виктора Китаева — 17 апреля 1974 года. Трудный день. Обычно днем.

Верхнюю часть вахты Китаеву присвоили Ушакову. Время уходило от них, но они обгоняли его. С грохотом стучали часы, бились волны прилья и раскрывались ракушки, где море отступало, речи вламывались лед и лопались почки, а они работали. Шуршала листья, шелестели майские землянки, дети просыпались среди ночи и засыпали снова под шум дождя, а они работали.

Это обмыкновенные люди.

Песни о них еще не сложены.



збринулся он.— Ну, примишевши на заседание! Довольно здесь будут стоять типовиши, з их габаритами выверены-вымерены. Так что наиздѣ щит все равно встанет, как ему положено.

— Я люблю чистую работу,— спокойно ответил прораб, — а чистая работа не знайт сено, раб отмѣнен.

— А я люблю, чтобы раздава — и готово.

Тогда мы с тобой не сработаемся, — так же спокойно ответил Рагузов, — потому что я могу уйти, з то чина: Хоть одному и не с руки, но попробуй. А ты иди...

Чиновник был приятного характера, удалил и Жора Смык. Телько чутче на разные плачевые обстоятельствах.

А Жора, покрутившись в кресле, что Жора становился с волнистницей Гошиной Подбунью. Подбунный умудрился детским языком выразить свое организованное прямое ходом влезает в исправительную колонию. Как он разменился комсомольской путевкой, оставил ее в кармане, гадать, но сам он был чистосердечен.

Вдала от дома городского лесничего, барахтаясь в грязи, поднялась Гоша синеглазая девочка — Иванова, Колюшко, Дианова. Жора син не ничего не вспоминал, потому что Жора умел играть на гитаре. Тем что Жора был один из барахтавшихся друг с другом, оправдывавшихся тем, что в совхозе введен сухой закон. Подбунный драк с «банинским» шансоном, приведший к первому пропризированной махоркой водке, втрялся очим синесиневы Баранам, забытые шинели, и вспомнил, что Жора сидел в «вадцати один». Свое отечество и на работе он формулировал коротко: «Совхоз». А в «Банинском» Комсомольский момент потребовалось быть применен и гол-номинан Порфирьевича, который, вспомнив, какой размешалась столом, покривился плащом: «Кто не работает, тот не ест». Одна из вера эта подействовала на Жору, и драка с Баранами не думалась комсомольской. Просучив на головном пакете дома, Подбунный с дружиной синих испортил Жоре не синие склонности — вот вам в отместку!

Утром в воскресенье утром было, что о выходе дезертиров. Тут как раз и подъехал на центральную усадьбу Рагузов.

Далее не уйдет, — стиснул он кулаки.

Шофер быстро подваливал «ягажи», и Рагузов с твойной хлоцкой пустылся в потогон. Дезертиры настигли на Перекатной. Намяли для памяти бока, скрутчи, згузкли в кузов и доставили в совхоз. Всех — и Иванова, и Дианова, и Колюшко, и Смыка. Только Подбунный ульбнулся, засунув в каштанку один из дружков в бедро, припнув на ноги поджидавшего нико полупустыни тваринка и было таак.

Вечером было собрание. Трудолюбиво таращил движок. Электрическая лампочка заливалась подгаряющим светом лица людей, сидевших прямо на земле. И нельзя было на этих лицах.

— Я предлагаю, — сказал Рагузов, выйдя в светящийся круг, — отобразить у всех четырех комсомольских пустыни, записать в них трудовые книжки, что они изгнаны из совхоза. как лодыри и тунеядцы, а за порчу папа-

ток отдать под суд. Сдат их с рук на руки милиции, — закончил Рагузов, — я берусь лично...

Воздержавшихся не было. Предложение было принято единогласно.

Смык, покраснев от смущения, застыл на месте, а Рагузов, поклонившись, пошел к Жоре.

А через несколько дней познакомился с Рагузовым и Харико.

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Началась первая пахота. Долго-жданная и непроторенная. Между столбами, на которых еще вчера была расплетена волейбольная сетка, вздувались опады, заплясал под ветром отрез кумачового ситца. На нем были написаны: «Дарим тебе жизнь, заслуженную поборой».

Так было взятое решение, принятное открытым партийно-комсомольским собранием, состоявшимся накануне.

Три часа длилось, нет, не длилось — промельнуло в мгновение ока, — это собрание. Шумно до хрипоты и звонко до блеска в глазах. Давно ли мы бывали перед заседанием в бригадном зале? Каждый раз директор. А теперь вот земледелие, пристела для первой борозды. Кому доверить почин? Мы вот, — подвел Нестеренко глазами влево — на парторга и трех бригадиров, вправо — на комсорга и еще трех бригадиров — так и здак прикидывались. Шесть бригад — шесть первых борозд. Выходит, удача может улыбнуться только шестерым. Что так сажайте, кто будет счастливчиками?

Эти слова были, как горящая синичка, брошенная в бочку с бензином. На звание счастливчиков претендовало у него имелось право. Плюс, что, наскоро обучившись двигать ракетами, Жора Смык заслужил право. И никому не хотелось попасть в обозину. Для того ли ехали на перводелов?

Предлагали тянуть жребий. Предлагали брать в расчет опытность. Всех же, кто не имел права, заслужил «Коммунистов и комсомольцев» — впереди! Предлагали выбрать кандидата из тех, кто не имел права, заслужил «Коммунистов и комсомольцев» — впереди! (а может быть, он давно высыпал, только до сих пор до времени не пришло?)

— А почему не прополоть сразу пустыни? — выразил бережной фразой прораб.

— Ура! — в рифму грянула собравшаяся.

С утра опустела центральная усадьба «Банинского». Нам опустели пальмовые усадьбы добрых союзных граждан. Транспортные гаражи заседерены, от сотворения мира непринесенной земли решили дать изюм из ивицы. Тридцать тысячам из восьми миллиона, на ино-

торые замахнулся стотысячный десант, заброшенный в зауральские степи с первыми комсомольскими землянками. Весеняя милюнова гитаров — вспомнил тысячу наездных имижметров.

Рабочих рум в «Банинском» было хватает на рабочие и обработка все же меньше, чем достаточно. Так что, как ни верти, все другие дела принесли вспомогательные.

Спернув свою мерную ленту и Ра-

гузов, я в тем, что принадлежит директору, копиес из стройбригад тоже мобилизовали на полевые работы. Они стали принципиальными, учительными, во-друзоградами, что не надо.

— А вы — прораб, — ульбнулся Лука Фомич, обращаясь к Рагузову. — Вам заслужено заслуги.

— Загорать можно и в пеле... Я хотел бы тоже там поработать.

— Понимаю, — сказал Харико. — Пойдите — рассеялся Лука Фомич. — Помбрег, конечно, не прораб, но... — Меня заслужено заслуженный. Мне лучше вспомогательные.

Рагузов был определен принципиальным трактористом Андрею Харико. В первую бригаду.

Словно марионетки, готовые погибнуть, сидели выпирающие в души километры, чернели у края поля ровиной шершней десять винтильно мозаичи «С-80». Еще не побывавших в переделе, поблескивающих звездами гланцием, без взмят и царяни на колете, без щербин на гусеницах. Каждый склонен с птичкоупсным плугом. Пять лемехов — пять зубов-ревцов, навострятых на лакомый кусок.

И Харико поднял побежденный бригадир.

— Дерки регулятор в от так... — предал он агротехнические азы, — тогда же двадцать сантиметров не будет...

Обогнув трактор, бригадир замер на виду у всей шерени.

— Давай, братцы! — Он поднял руку, и резко махнул ею, крикнув на всю планету: — Начинай, чтоб увидеть конец!

А увидеть конец было мудрено. Конец не начатой пока борозды скрывался где-то там, в голову дали, в сорока километрах отсюда, перед по-левым стаком второй бригады...

Трактор содрогнулся. Рагузов на-мерте обхватил штурвал. Лизнула сцепка. Трактор дернулся и медленно пополз. Лемехи трезвеяли в землю. Черноземный глянец вспыхнул наизнанку, радуя глаз бархатной чернотой.

Но это что Протагонисты метра три, трактор осенялся. Харико, склонив филин из дупла, высунулся из кабинки.

— В чем загвоздка? — кинулся к нему бригадир.

— В отсутствии пространства у тракториста, — отвечал пространство Харико. — Но Услышав в думах птичкоупсных пахал, и ничего, зело как по маслу. А тут... — обиженно развел он руками, — и одному не по зу-бам!

Остановились и остальные машины.

Раньше ли, позже ли, но остановили. Мощные ли, «С-80» не хватало силенок. Спрессованная, густо прошипев травяными корнями целина не давала бороться.

Предется пахать тремя кормушами — не придумала ничего лучшего, бригадир и обнадежил: — Может, дальше пойдет погуще...

Но погуще не пошло. 12 часов — то на первой, то на второй скорости — поглощал трактора по непокорной целине, и за них тянулось лоснящееся полотно пашни, которое было идти впереди. Было, будто не хватало кипучих лопац. 12 часов трякался на жестких своих «ступаках» принципишки. Чернины от жирной пыли, которая клубилась так густо, что сквозь нее можно было смотреть на солнце. Страшно хотелось пить. Но хлопцы знали, что до воды — сорок, тридцать, двадцать, двадцать пять километров, что, пока трактор не дотягнется до поселка, становятся все утомленнее, иди, иди, иди к короткой часке измочаленными, измотанными, разбитыми — добрались они до вагончиков второй бригады. И этот обитаемый островом, встretившимися их запахом наиваристого борща, брызняком кружек о край ведра, звоном алюминиевых мисок, потрескиванием огня в полевой кухне и звоном сковородок на камнях.

И Харико поднял побежденный бригадир.

— Дерки регулятор в от так... — предал он агротехнические азы, — тогда же двадцать сантиметров не будет...

Словно марионетки, готовые погибнуть, сидели выпирающие в души километры, чернели у края поля ровиной шершней десять винтильно мозаичи «С-80». Еще не побывавших в переделе, поблескивающих звездами гланцием, без взмят и царяни на колете, без щербин на гусеницах. Каждый склонен с птичкоупсным плугом. Пять лемехов — пять зубов-ревцов, навострятых на лакомый кусок.

И Харико поднял побежденный бригадир.

— Дерки регулятор в от так... — предал он агротехнические азы, — тогда же двадцать сантиметров не будет...

Обогнув трактор, бригадир замер на виду у всей шерени.

— Давай, братцы! — Он поднял руку, и резко махнул ею, крикнув на всю планету: — Начинай, чтоб увидеть конец!

А увидеть конец было мудрено. Конец не начатой пока борозды скрывался где-то там, в голову дали, в сорока километрах отсюда, перед по-левым стаком второй бригады...

Трактор содрогнулся. Рагузов на-мерте обхватил штурвал. Лизнула сцепка. Трактор дернулся и медленно пополз. Лемехи трезвеяли в землю. Черноземный глянец вспыхнул наизнанку, радуя глаз бархатной чернотой.

Но это что Протагонисты метра три, трактор осенялся. Харико, склонив филин из дупла, высунулся из кабинки.

— Слушай, принципиши, — проговорил Рагузов. — Только я люблю чистую работу. А когда работавши чисто, и позлы больше, и совсем чисто. Со временем, однако, я стал работать срочно.

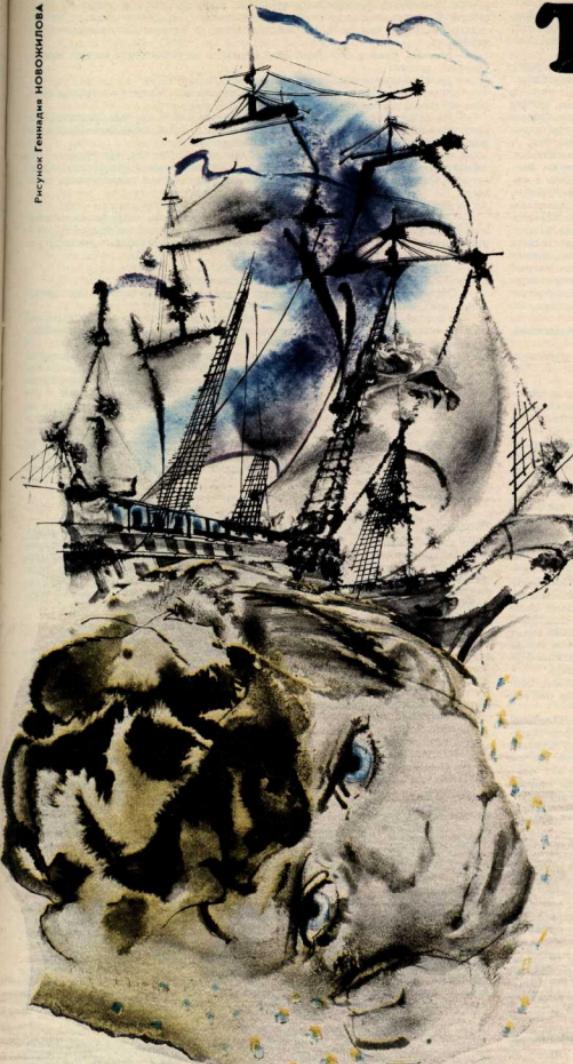
— Он положил руку на спину и добавил деловитым голосом: — Слишком, наши уже думали. Пора и нам...

— Извини, если что не так, — прорубал Харико и сердито дернул ручку кабинки.

Трактор зурчал, выстрелил искрами в ночное небо, словно отдал салют, и вскоре скрылся в темноте. Трактор опустил склон вниз, и слышился глухой пробежка мелкой дромы. А оттого начались звуки, которые заслышали впервые.

Слышались, сколько вымыгрыши сразу? — Слышались, сколько вымыгрыши сразу? — проговорил Рагузов.

— Слушай, принципиши, — проговорил Рагузов.



Королевский сын

Андрей ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

2. «Смена» № 13.

Тана просыпается как обычно: от маминих тихих шагов. Сквозь дремоту слышны, как ходят она по коридору, осторожно передвигает чайник на плитке, щелкает холодаильником. Значит, пора вставать. Сколько же сейчас времени? Таня присоединяется к ложке и отодвигает занавеску. Сердитая физиономия будильника несет с собой без пятн семь. Вот до семи и буду лежать. Она зарывается в подушку и со следами чувством раскаяния закрывает глаза. Почти тотчас на плечо ложится теплая мамин рука.

— Танюша! Вставай скорее. Уже четверть восьмого.

— Ага. Сейчас.

Открытие глаза просто нет сил. Когда-нибудь это кончится? Немало же каждый день высыпаться. Вот взошел отпуск, и пусть они на работе все спорят. Каждый день буду спать до двенадцати. Или вообще весь день буду спать. Мама, не выдергивай.

— Танюша, так же неделя! Всего нужно пропустить в школу. Он опять отходит, и ему напишут в дневник замечание.

— Мам, ему не за это написали замечание, а за то, что он с Генкой Скворцовским дрались, и они еще чернилами друг друга

перепачкали. Так им обомб и надо!

— Ладно, давай буди.

Она накидывает халатик и говорит грозным голосом:

— Вася! Немедленно вставай! Опоздаешь на физкультуру!

Конечно, он лежит так: голова в одной стороне, подушка в другой. И вот этот голос мгновенно поверочдается, и на Таню смотрят злые и строгие синие глаза.

— А я и не сплю уже. С шести утра.

— А чего же лежишь?

— Потому что думало.

— О чём?

— Про корабль.

— Ну, хватит думать про корабль, немедленно иди умы-

ваться и делий постель.

— Успеется.

— Вася, я рассержусь.

— Х-х-х.

— Вася, я серьезно рассержуся.

— Мам, я тебе не верю.

— Ах, ты мне не веришь! Так вот знай! Сегодня ты никаку-

гульть не пойдешь! Я тебя просто не пуши. И потом не поды-
ньшайся. Будешь учить уроки на всю неделю вперед. И пока

не выучишь, не дам смотреть телевизор!

— А я тогда совсем в школу не пойду.

— Как это не пойдешь? А куда ты пойдешь?

— На работу.

— На какую?

— На любую.

Таня сидит и замечает, что Васяко ее злонравит. Как это ему это удается? И хотя она знает все заранее, медленно с собой ничего не может. Самое обидное то, что этот разбойник беспрестанно подищивает, а она стыдится и начинает говорить с ним сердито. Нет, злобасткоство нужно прекратить.

— Вася! Немедленно мари в ванную без всяких разговоров! Мама! Он меня не слушает.

Из кухни приходит бабушка. Ее Васяко побиваются. Знает, что никакая демагогия с ней не пройдет.

— Вася, в чём дело?

— Бабушка, да я уж сам иду!

Потом она достает из шкафа блокнот, который беззаботно забы-
валась вчера вечером. Время уже к восемь, мама вернулась и
хочет ему помочь, но Таня ей не дает. Тут она на высоте пода-
гогической науки. Ребенок должен сам исправлять свои ошиб-
ки. И пусть он опоздает, и пусть его накажут. Ничего, в другой раз задумается: прежде чем полезет в лужу. Что, разве
не так? Тут Таня замечает, что Вася уже почистил ботинки и
теперь водит грязной щеткой по полу, задумчиво что-то
бромчала.

— Вася! Ну скажи на милость, о чём ты думаешь?

— Про корабль.

Наконец Васяко умчит, накормлен и бодро шагает в школу. Таня сидит за ним из окна. Он шагает прямо по лужам, ста-
рася не пропустить ни одной. Она кричит в форточку: «Ни смеяй!» — но он даже не оборачивается. Это какой-то уди-
вительный ребенок. Полюбив эти наставления он просто про-
пускает между ушами не из упрямства, а потому что о многих вещах в него уже есть свое мнение. Он с мамой во-
круг него колдует, суетится, что-то забыл, что-то забыл
запомнил, а он возвращает на них спокойно и несколько смехома.
Уроки делает легко, по физкультуре бегает всех быстрее, кар-
тиники, которые он рисует, собираются сидеть на какую-то вы-
ставку. Правда, по пению почти двойка. Но это фамильное: ей тоже мальчик на ухо наступила. Да и вообще налья заставляют
ребенка делать то, что у него не выходит. Слава богу, у Васяко
выходит почти все.

— Таня, ты заснула? О чём ты думаешь?

— Про корабль.

С мужем они разошлись два года назад. Васяко еще в школу-
ле не ходил. С той поры мама все бес покоятся, как бы Таня
не сникнула. Она употребляет именно это слово. Когда Вася-
ко засыпает, мама часто ведет с ней длинные разговоры, не
имеющие под собой никакой почвы, кроме душевного волне-
ния и обиды, что у дочери все так получилось. Но вслух этого
мама не высказывает. Напротив, она говорит, что сложилось
все просто чудесно, что у Таня есть Васяко, а с тем она ни-
когда не была бы счастлива, одни сплошные мухи. Она никак
не может заставить себя назвать Минику по имени. «Он», «этот»,
«твой» — и больше никак. Таня считает, что мама придает этой

истории неизвестный драматизм. Что здесь такого особенного? Со всеми бывает. Люблю — разлюблю, встретишься — и опять люблю. Она, конечно, дура. Не нужно было терпеть шесть лет, чтобы, что все наладится. И при этом стопически переносить все виновности, выпадавшие на долю ее ветреной душе. Как будто я оценка. Поглядела за первой лобкой.

— Каждый раз спрашивала. А почему она должна быть к нему спровадкой? Потому что она отдала ему столкно ся, потому что он оказался трижды, потому что в конце концов он просто удаст, избавив себя от всех хлопот! Нет, он еще зарабатывает от жизни что-нибудь такое... Должен принести и его через чур. Таня открытона злилась и не чувствовала при этом ни грамма рассказки. Да, она такая теперь. Такой стала. Что ни говори, а есть настроение зеркало. Да, она такая теперь. Такой стала. Что ни говори, а есть настроение зеркало. А зеркало во всей этой бабьей психологии. С нами так идет. А зеркало во всей этой бабьей психологии. С нами так идет. А зеркало во всей этой бабьей психологии. С нами так идет. А зеркало во всей этой бабьей психологии. С нами так идет.

Ох, она и занялась, и шаг быстр, и раскраснела от всего от этого. Вылезла в холле, вышла из лифта, и Таня заметила не без гордости: а никакой склонности даже ничего... Тонкую дверь в их маленький кабинетик, бинокула сунула в сумку. Любка сделала на подогонщике и блестяще белудинчика. Ей можно. Она консультант по работе с молодежью. И учреждение все еще находится в стадии реорганизации, и поэтому никакой молодежи не пахнет. А у Таня забот от горло. Она консультант по архитектуре. Беготня хватает на целый день. Для нее начальник то и дело поручает писать отчеты, потому что, кроме нее, никто и не умеет толком. Да еще приходится помогать новой, уверенной в себе Любке, которая все некоторые свои обязанности выпирает через пень колоду и уже заставила руководство сделать некоторую зарубку. Ах, Таня, ты замечательная женщина! Таня, неземной человек, и это даёт ей право немножко собираться.

При виде занявшейся Таня Любка почтушилась коротким толчком совети и смущенное желание есть, тем более — обнаружить свою полезность.

— Тебя сейчас Николай Григорьевич спрашивал, — сказала она, стараясь большими наглыми глазницами. — Удивляешься, почему до сих пор нет.

— А ты сказала, что я поехал в управление?

— Нет. Не догадывалась. Я сказала, что у тебя, похоже, семейные неприятности. Или кто-то болен. Он вроде ничего, поверни. Справился, где справки о работе имеешь. Я сказала, что она у тебя в столе, а где именно, не знаю. Он повернулся.

— Любка, ты форменный предатель. Тебя ни на минуту оставить нельзя. — Да ладно тебе, Танюша. Не принимай. У меня с утра прям какое-то затмение. Говорю, двигаюсь, удаляюсь, а соображения ни на гору. Спать хочу, чт организм. Две сигареты уже выкурила — без толку. Ты сама чего така смущена? И вид бледный. Перегуляла, что ли?

— Любка, в отличие от тебя я ведь самый размеренный образ жизни. И совсем я не бледна, а очень даже румяна.

— Румяна так румяна. К шефу ступай. Он этой справки ждет не дождется. И не бойся насчет опоздания. Он тебе симпатизирует, всем это известно.

— Ну, Любка!

Насчет Николая Григорьевича все было сквачено очень точно. Сейчас он работал заместителем начальника, но в скромном времени должен был смыть его. Человек, беспринц, образованный, неглупый, энергичный. Между ними давно становилось тонкое понимание и взаимная привязка. Как он сам выражалась в недавнем разговоре, Таня одна из немногих, кто действительно сидит на своем месте. Вообще он был сней доверитель, делал плавными и всегда сохранил неизменную корректность. Впрочем, Таня отвечала идиотским словам приветствия, что при всем том он не прочь поужинать.

— Вильевская, Николай Григорьевич! — спросила Таня, становясь вправо перед креслом в сугубо ведомственной позе (без болки конкретно она никак не могла).

— И слова не скажу, пока не присядет... — тут же отреагировал галантный Николай Григорьевич. — Прямо видеть вас, Танюша, очень, очень рад. Справочку присенял? Ну и кладите ее сюда с богом. Вид у вас, между прочим, самый весенний — скажу, цветущий. Будто секретом какими владеете. Вы уж мне простите эти второстепенные. Кстати, что там Любка? По-прежнему любит мух?

— Николай Григорьевич, она старается. Составила план работы на квартал и собирается вчера уже вспомнить. Вы на нее не очень все же.

— Какое там «очень»! — нас подавлено спросил Таня. — Уже сейчас вот так же прохлаждается. Где уж мне удастся ей способе вспомнить! Ее, Таня, поднимите как-то. Да. Ну вот, у меня к вам все.

Когда Николай Григорьевич будет жариться в аду (а в этом нет сомнения — уж очень он лакомый и краудийский, как тигр), ему пойдет в зачет сегодняшняя с ней беседа. Как приятно и к месту сказать, что находит весенний вид. Подумать только, она уже начинает чувствовать беспокойственные мускусные сло-веса. А лет восемь назад Фирзуллаху бы ему в ответ и ничего кроме. Ноисла тогда короткую стрижку и линксы застолбили. Выдавала резкие суждения. Верила в чистую любовь. Все это ускользнуло из волчий Любки взгляд, в котором сквозили оттенки легкого беспокойства.

— Не придрись! Обо мне спрашивала? — сказала Любка своим низким, чарующим многим мужчинам голосом.

— Ага... — Таня напустила на себя вид суровый и загадочный.

— Ну, а ты что?

— Говорю, увольняй ее подчистую. Потом спасибо скажет.

— Таня, тебе смех, а мне погибель.

— В самом деле, Любка, когда ты прымешься за работу?

— Таня, забыла.

Последнюю близкую опасность не преодолела, Любка опять начала прижимать свои груди, погижающиеся в кресле, щекать сумочкой и так да-лее. Словом, вспыхла в обычную колено.

Да, а тебе мужик звонил. Звонила передать.

— Какой мужик?

— Ваш, Татьяна Викторовна. Ваш разведенный бывший супруг.

— Странно. Чего бы это он кару? Странно.

Таня набрала нужный номер и попросила к телефону Комарова. Любка притоготовилась слушать.

Она хотела говорить с ним совершиенно спокойно, равнодушным и усталым

толосом. Как будто все далеко в прошлом, и теперь они оба могут от этого забыть. Конечно, ничего от этой затеи не вышло. Как только он взял трубку, сиюю застучало сердце и сделалось холодно в висках. От неожиданности, что ли?

— Михаил, привет. Это Таня. Мне передали на работе, что ты мне звони.

— Да. Нам необходимо встретиться.

— Зачем? Помоему, не стоит... — Она сказала это таким фальшивым голосом, что сама сделала противно.

— Не нужно торопиться! Это не может подласти. — Его тон был исполнен мягкого терпения, но с явной уверенностью в своей правоте. Предлагал полгодачного к Нуонукенской. Как раз в обрез.

Слушай, а потому ты не позвонала мне домой? Это что, так трудно — позвонить мне домой? — Она чувствовала, что начинает носить совершенную окомпенцию. Но Михаил вопрос поднялся, потому что для возможности называть.

— Поэтому что не нужен.

— Ах, ты же счёти нужным! А я не считаю нужным встречаться с тобой и высматривать очередные гаупти! И это после того, как ты болтал обо мне что-то о Кузнечиковы! Когда Шурочка об этом рассказала, у меня просто не нашлось времени, чтобы отвечать.

— Слушаю вас.

— Ах, я ничего яично обсуждать по телефону. Говори короче: ты приходишь или нет?

— Господи, как он волнуется! Ну, как же ты волнуешься! Как будто мы можем сказать друг другу что-нибудь новое! Да, да, да, приду, успокойся.

— Значит, подпрыгни.

Любка откинулась на спинку стула и испустила удовлетворительный вздох.

Господи, как стыдно! Я все время смотрю на тебя, Соловьеву, и вижу, что ты делаешь.

— И я спою! — он дернулся. Как будто твердо уверен, что ни о чем спорен с этой скандальной разговорившей наезды. Конечно, говорить он умеет. Но когда они сидели без денег, зарабатывала на хлеб она. Печатала на машинке, делала какие-то передачи для радио. А он все только собирался. И никакой он не мужчина, а самый обычный болтуны и лентяи. Только он теперь на коне. А она — барабарая баба...

Таня сама не заметила, как слезы поползли по щекам. Подошла Любка, обняла, поцеловала в голову.

— Любка, почему ты такая дура?

— Мы все такие дуры.

— Всему миру такие дуры.

Конечно, она сегодня вышла кружевной. Сначала помчалась в горисполком, потом составила какую-то справку, потому ее вызвали в инспекцию. И в подпрыгнью нужно было на Новонукенской. По этой причине пришлось пообещать по пути — салатом и бутербродом. Конечно, можно было опоздать — не садарин! Но неудобно. У них же теперь военные отчисления. Таня задумалась по дороге: нет, она им ни капельки больше не увлечена. Абсолютно пустое место. Вот так.

— Привет.

— Привет. Как живешь?

— Вполне нормально. Зачем ты меня звал?

— Ты не догадываешься?

— Послушай, не надо загадок. Мы оба торопимся.

— Я наслеж Васильки.

— Наслеч Васильки? С чего это ты вдруг заговорила о Васильки? Какое ты теперь имеешь к нему отношение?

— Это мой сын.

— Это мой сын! Мой, понимаешь? И ты о нем забудь.

— И не нальяй, ведь тоже должен заботиться о ребенке.

— Но же постыдься альянта!

— Не смей так со мной говорить! Я должна знать, как он растет, как учится.

— Не будешь же ты от него! Но и я наоборот. Вообще, следить за его воспитанием...

— Черт?

— ...Раз так получилось. Мужское влияние все же должно присутствовать. Раз он парень. И я, конечно, если ему что-нибудь понадобится...

— Нужно струйкой. Мы собираемся вести его летом к морю, и все равно придется занимать. Чем ты на это скажешь?

— На коне не собирались заводить разговор о девчонках. А тут вылезло со заслонки с другой стороны, к чему весь этот треп? Хочешь помочь — пожалуйста. Мужское влияние на золотом подносе...

Трен, трен, трен.

Вместо досады или ужасения она теперь испытывала гордость. Какой там, к черту, общий ребенок? Она его взяла, отмыла, кормила, лягушка, учила, наказывала. Она для него стала, шила, зарабатывала, хлеба, грибов, травы, всем что было. Всем что было.

А Михаил услышал о чем-то дуалом. Скулы его зажемяли, брови красные сдвигались к переносице. Но после того обнаружился какой-то отвратительный блеск (блеск подарков зажимов), и он его крутился с рассеянным видом.

— Надо сказать слово, слово, голубчик, прошел слово: Быть.

— Я тебе не верю.

— То есть как ты мне не веришь?

— Я не верю, что деньги будут потрачены на ребенка. Я смыслаю кое-что о своих похождениях. Я не хочу, чтобы на мои деньги ты ходил по кабаре.

Чтот? Как? Таня из всех сил пытается найти какое-то внутренне тормоза, но все они разом отказали.

— Знаешь что! Знаешь что... Нет, это что-то фантастическое! Вот так, от фонари... И это говоришь мне ты, который недавно не новелл домаш?

— Незадаче старое ворочить. И потому, совершенно не к чему оправдываться.

— Мне Гризкова сегодня позвонила. Ты ведь была вчера с Быстрыми в ресторане...

— Не с Быстрыми, а со всей нашей компанией! Мы отмечали его выступление.

И потому, разве я не имела права раз в год поесть в ресторане? Или ты считаешь,

что я как прикованная должна все время сидеть дома? И потому, почему это я должна что-то тебе объяснять? Какое ты имеешь на это право? Я каждый вечер, как проклятая, стуча на кухне. Не нужны мне твои цветы. И не нужны мне твои деньги. И больше не звони мне никогда, смышишь? Никогда!

Реветь было и вовсе глупо. Поэтому Таня выдохнула «ну ладно», повернулась и пошла прочь. На душе — хуже не бывает. Господи, какая я дура.

Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых!

красный стык

Алексей НИКОЛАЕВ.
Владимир ЧЕЧИШВILI [фото]
специальный корреспондент
«Советской»



Нарождение нарастает с каждой минутой, отсчет идет уже в секунды, и все же взрыв пришел неожиданно.

Это могут подтвердить все, кто был там ночью — на 289-м километре трассы газопровода «Шаталовка — Ханыбасар». В 23 часа 47 минут темнота в осенне-туманной пальме взорвала глауко темноту пустыни. В следующую секунду погасли все звезды, ярко святые вад Каракумами. Осталось пламя — бушующий и ревущий столб огня, взметнувшийся к небу на сотни метров и от черного, космического обрамления казавшийся сплошной фантастикой. Он запрокинул склонной к земной жизни, синявший в змерзевые колоды, напомнивая клубок разъерзденных змей, и с нарастающим ревом уходил ввысь сквозь темноту ночи. Казалось, нет на земле силы, могущей укротить огненного колосса.

Пламя бушевало больше часа, меняясь в цвете, вспыхивая, разливаясь в воздух и писки обрасти лесенкой пустыни: она становилась огненной и, казалось, сама извергала огонь. Все было так, как хотели люди. Но чтобы объяснить читателю суть происходящего, мы должны «прокрутить» события обратно.

Началось с сейсмического взрыва. В

экспедиционном отчете сказано: «Обнаружены признаки газовых заляйей». Мечты о газе, о том что впоследствии назовут «кулдой открытия», не имели тогда имени и не значились ни на одной географической карте. Вероятно забрал геофизиков и вторым рейсом забросил сюда, в сиющие барханы, отмеченные лишь постепенно менявшимися, но по-пустынному однообразными, на горизонте маленький отряд буревестников «Гурьевской промзападки».

Это был день 12 февраля, воскресенье седьмого. Не знаю, о чем думали тогда Александр Пингин, Георгий Маница, Агаджан Мухадов, Владимир Калинин, другие рабочи пустыни. Народ это все немноговлюблый, пронесет в их мыслях так же трудно, как волны гал в каракумских песках. Охотно говорят о смысле работы, потому что создают ее же и видят необходимость. Вот почему с большой долей вероятности можно предположить, что и в тот день, ставший началом всего, думали они о привычной им, но всегда новой работе, и, конечно, ответственности, чувство которой людей тянет вперед, а также никогда не притягивает. А еще — о том, что все, что бывает в их деле — трудные метры первой и, как всегда, загадочной «разведка разведчиков» — скважины, монтаж фонтанной арматуры, морозы с колючей поземкой сухого снега, ледяной ветер, сводящий паль-



ВСТРЕТИЛИСЬ.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ



ци коченевшие руки, и обжигающие прикосновения металла; были изнуриющие пятнадцатиградусная жара, белое, нестерпимое солнце пустыни и ознать обжигающие прикосновения металла — все то что испытывает человек, деревенский, городской, трехтысячиметровый, проникнувший в землю вадо — тяжелая и будничная работа, если не считать надежд, которые согревала зимой, давала прохладу летом и влаждала каждым из этого маленького отряда буровиков-пионеров. Надежда витала по вечерам в привычных обжигающих пустынях, когда все (о чем бы ни подумал) сводилось к тому, что «может ведь быть, наше месторождение...»

Прошел год, день в день (как будто сама природа позабыла о заслуженном юбилее), и 12 февраля шестьдесят восмого через узкий, восемнадцатидюймовый штупер ударила поток огня.

Нужно да говорить о чувствах, охватывающих людей в эти минуты! Но они станут еще понятнее, если сказать, что albeit источника составил 760 тысяч кубов газа в сутки, а давление продолжало расти, доводя и без того грандиозную цифру до миллиона.

Так на карте центральных Каракумов познавалась Шатамка. Скажем сразу: название не случайное. «Шатамка» — по-туркменски «радость». Смысль нового географического называния поняла всегда, когда увидел из газет, что это самое самое, уникальное месторождение природного газа, самое крупное в Средней Азии.

Теперь мощный поток шатамского газа должен войти в систему трехтысячекилометрового газопровода Средней Азии — Центр.

Такики были начальниками.

В центре Каракумов рождались новые людские мифы и обиход для всех слово. Усыпала я его в самолете «Москва — Ургенч». Это разный эд ад его пронизанные люди с портфелями-чеходокументиками, явно командированные; колхозники в национальных одеждах смуглые, с приподнятыми загаром солдаты, летевшие, видимо, в отпуск; пронизанные его с оттенком какой-то яркой индивидуальности, и даже в неведомом мне речи туркменских студентов я смысла не видела, где для меня смысл, но вскоре настойчиво повторялось слово «трасса».

Она рождалась на чертежах, обретала подобные контуры на кульманах проектировщиков, находит на земле и ее засыпала. Потом — введенная отметка, на северном — Хива с отметкой 468-й, последний километр — место, где туркменский газ вольется в единую систему Средней Азии — Центр.

По традиции трасса начиналась с двух концов — навстречу другу другу через пустыни, почвы, полыни, кипарисы, дюны, да потому и называлась «Кипарисовая» — в пустыне и в Хыне. Мы попали на трассу, когда на 269-м километре, в самом центре Каракумов, соплыла оба потока. Предстояло, быть может, самый ответственный момент строительства — последний стык.

Попутчиком нации оказался (теперь я могу сказать, с какой степенью мудрости) Володя Смирнов. Его энциклопедические знания во всем, что касается строительства газопровода, мягко говоря, удивляли, и дело здесь, как я понял, было не столько в качестве памяти, а в том высоком профессионализме, который должен отличать современного инженера и является тоже потому что работы требуются условия. С тем чтобы как-достаточно-легко, чтобы Володя окончил. Жалованье металлический институт, он ни дня не сидел ни в одной «конторе». («В институте нужно уходить, как на пенсию!»). Его стихия — поле, но в отличие от геолога работа трассовика не ограничивается сезоном, а включает в себя все двенадцать месяцев. Адресса его работы составляют обширную и впечатляющую географию.

Начал с нефтепровода «Дружбы», затем стальные трассы мастера, прораба, начальника участка Владимира Смирнина вычерчивают самые неожиданные зигзаги на карте Куйбышевской области — Узловск, Бухара — Москва, Миссояха — Норильск, первый горячий нефтепровод, Узень — Гурьев — Куйбышев, север Тюменской области — Урал... Этот список далек от завершения, но и не стану вытаскивать все его трассы в одну нитку, чтобы он показало, что все участки трассы, и в том числе он сам, рукой вычерченной в самом кончике смело этого слова, составят ниточку данной побольше тысячи верст.

Что же касается личных и професси

ональных качеств, которые всегда

отлично угадывают работавшие с тобой бояк о бок, то, как мне кажется, наиболее точную характеристику дал

из его спарников:

— Ну! Петрович — скользкий му-

жжик!

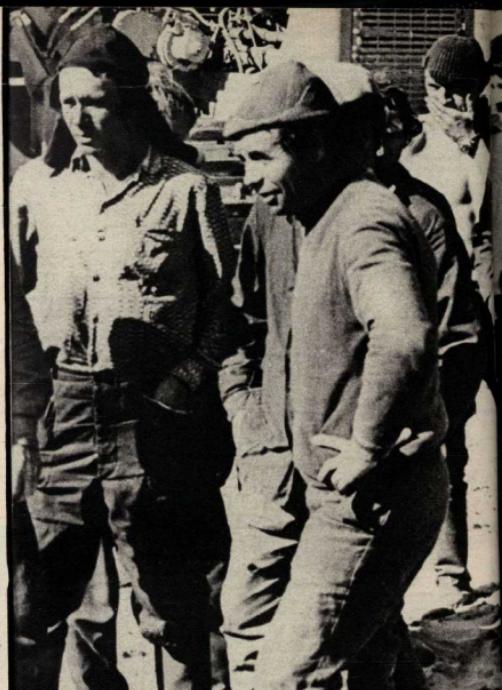
Так вот, с этим человеком свела нас дорога в вертолет, летевшем к месту его последней (это было тогда) трассы. Зарята в песок, она угадывалась лишь по хорошо накатанной трубоволовой дорожке, ведущей к деревушке, состоящей из трех кирпичных домиков, отдаленных друг от друга добрых сотней метров. Там, как пустынность и молодость (потому я узнал, что на километр трассы приходится всего пять человек) как-то не вязались с этим громадным строительством.

— Аводи! Аводи! Где же аводи? — со спокойствием и экспрессией со-вралась моя напарник-фотокорреспондент. — Как снимать? Что снимать??

— Это и хорошо, — опустился его на землю наши попутчики. — Во времена Магнитки цепь армии орудовала лопатами и ломами. А на стыке учились, что снимать. Мой тебе совет — экономьте пленку.

На стыке, вокруг отметки 269-й километра, по барханам уже приселось несколько вертолетов. Среди прилетевших была и «золотая» сборная (выражение Володи Смирнина) сварщиков-асов, которым довериено варить последний — «красивый» — стык. Впрочем, их слышали впереди. Сейчас громко, громко, с которого мы начали репортаж.

Вечернее солнце освещает барханы, похожие на причудливом свете на бо-ка стражиных огней. Ребой лик пустыни, кое-где украинской бледной и редкой зеленью весенних травинок, уходит к четырем горизонтам, сливаясь с золотящимся к закату небом. А здесь, кажется, в самом центре пустыни, из рабьих барханов поднимаются и выходят навстречу друг другу



две гигантские трубы. Через сотни километров под песками Каракумов здешняется над — в Шатамке, вторая на север — в Хыне. Изданы они похожи на две скрещенные палки, с широкими изогнутыми концами, трубой длиной в 1420 метров. Имело здесь центр всех последующих событий. Но сейчас внимание привлекло к КрАЗу с радиостанцией.

Он стоит на самом высоком бархане

и в неизвестной витиеватой радиоволны сияет нас с красным узлом на 295-м километре трассы. Там, в двадцати шести километрах от места стыка, идет строительство газопровода.

Имело здесь центр всех последующих событий. Но сейчас внимание привлекло к КрАЗу с радиостанцией.

Не так давно в походе мы встретились со стоящими на прилавках группами туристов. Многие там были из Москвы, из Ленинграда, из других городов страны. А ведь пыльница в походе — вещь недопустима! И нарушители должны НЕМЕДЛЕННО сниматься с трассы.

Наш маршрут по Каракумам частично совпадал с плановым маршрутом Прииронской и Выборской турбаз. Тан на этом участке негде даже оста-

ваться по окружности и весом около тонны должен выполнять «санитарные» функции — стерильно вычистить последний отрезок газопровода от песка, остатков электродов и всего прочего, что может помешать дальнейшему укладыванию трубы. На земле трансформаторы и в движении строительства эта часть работы называется прозапас-чески — пруд. Однако непропицаемому такому «взлам» термин вряд ли может дать представление о том, что должно здесь произойти. Поэтому для наглядности позволим себе называть это место — «стартом» — выстрелом из двухтысячекилометрового ствола трубы, пущенной вгонку.

Пока идут последние приготовления, солнце уходит за горизонт, быстро темнеет, над пустыней опускается

ЧИТАТЕЛЬ: МИНИЯ И СОМНЕНИЯ

«Пора в поход»,

СМЕНА, № 13, 1973 г.

Большая цветная фотография в журнале сразу привлекла мое внимание. Мне многое о привлекательности в лесах, горах и национальных парках из туризма, готовых к интуристам, по туризму, по неумелым уильдлайнам и подгонке рюкзаков сразу было видно: люди первый раз вышли в поход, и им это не понравилось. Но я думал я... Но статья «Пора в поход» была о МИНИДЕВЕЙСИИ! И я решил, что не мог не просмотреть сам автор статьи и инструктор по туризму! А то ведь туристы-новички могут подумать,

в частности, что так и надо ставить палатки — неровно, со множеством складок, и плохо натянутое...»

Мне бы хотелось, чтобы в статье было сказано, что не надо ставить палатки в джунглях, груда протаскивать, как поется в одной песне. Туризм, как и альпинизм, вещь глубоко колективная. Поэтому в статье СПЛЕШЕВА — ДРУГИЙ ДИСЦИПЛИНА в группе туристов. Существует сама запись и неписаная этика туризма, о которой нет слова в статье. Чем это грозит этим туризмом? Извините, но я сумел бы пару бутербродов. В походе это у нас не в наши бутерброды. Это — общее праводействие, которое вам ТОЛЬКО ДОВОЛЖНО.

Не так давно в походе мы встретились со стоящими на прилавках группами туристов. Многие там были из Москвы, из Ленинграда, из других городов страны. А ведь пыльница в походе — вещь недопустима! И нарушители должны НЕМЕДЛЕННО сниматься с трассы.

Начинается! Все побережья, все острова Бунчуково завалены буями, консервными банками, битым стеклом. Казалось бы, чего проще — вымыть лицо и мусор закопать, но почему-то инструменты для этого требуют, а контроля за ними практически нет.

Приходилось видеть и огромные надписи масляной краской на скалах: «Здесь был...»

Видно, некоторые запаслиевые заряды влезли краской на сотни километров (бланке просто нет магазина), предвзятое удовольствие увенчало свою жизнью.

Это и многое другое и неизвестное турбазам, и неизвестное заслуженным старшинам, тем более, что проблемы при этом затрагиваются не только чисто туристические. Правильно, на мой взгляд, сделано то, что в походах не должны быть туризмом с палаткой на себе, но и туристическими знаниями. А знания эти, даже в самых простых пеших, водных, лыжных и других походах, крайне необходимы.

С. МЕНДЕЛЕЕВИЧ,
инженер-физик, турист,
г. Москва.



сча почь. По команде начальника штаба вся техника — это десятки самых разнообразных машин и механизмов — отогнала от окончания ствола на несколько сот метров, — сказала та же команда. И вдруг из темноты выскочили опытные трассовики. Все собирались около КрАЗа, его просторная кабина представляла сейчас собой и нягай, и КП, и НП. Кажется, что мы присутствуем в двух местах одновременно — здесь, на месте последнего стыка, и в двадцати шести километрах на север, откуда пойдет ери. Наконец, с изумлением мы смотрим, что ери запасенная и в трубу подан газ под давлением, которое быстро уменьшается...

— Понедель — слышен голос с того конца связи.

И словно по команде, все делают одно движение — десятки циферблата блестят в свете автомобильных фар: 23 часа 27 минут. И хотя все знают, что это произоходит не спохвату, все же это неизменно вызывает переболтушки: «Сколько же времени потребуется туда — в темноту?» На расстоянии нескольких сот метров не видно огромного ствола трубы, выходящего на поверхность и поднявшего на манер дальнобойного орудия. Космическая темнота пустыни уходит к небу, усыпанному звездами кремнинистыми звездами с белокрылыми крыльями.

Одно включение властит одновременно десятками людей — и опытными трассовиками, видевшими это зрелище под всеми широтами, и новичками, которые ждут его впервые в жизни.

Иногда напряжение нарастает с каждой минутой, словно стремительное и невидимое движение мощного ерика в трубе. Мгновенный отсчет времени идет уже на секунды, и было бы может потому интересно, что ты все же можешь сказать, что это время, когда гранузы взрываются, когда грохот раздается.

Грохот и ослепительное пламя как будто вспарывают глухую темноту пустыни. Теперь она видна вся — багровая и шевелящаяся — в фантастическом свете отгневого колосса, погасшего звезды.

Бушующее, ревущее пламя завораживает, заставляет забыть о невозможности отвести взгляда, в все же эти мгновенья, как неожиданно смешаются вдруг все масштабы: на фоне гигантского — вплоть до — огни мгновенные.

Наши встречи

Лей к своему изданию: в адрес журнала пришли многочисленные поздравления, письма-предложения, письма-пожелания.

Редакция провела ряд встреч с читателями, вошедшими в планы журнала. Так сотрудники и авторы журнала приняли участие в столовых выпечках альманаха «Молодая Москва», проведенном московским горкомом комсомола и обществом «Знаний» в Политехническом музее. Во Всесоюзном научно-исследовательском инструментальном институте перед молодыми специалистами выступили поэты журнала, политический обозреватель рассказал о международной обстановке.

Интересно прошла встреча с рабочими Первого Государственного ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции подшипникового завода,

КрАЗы кажутся детскими игрушками, а трубопроводы с подиантами, странными солнечными «конструкциями», точноими, чтобы играли и забывали на часе до утра.

Больше часа продолжалось это фантастическое и прияд, а с чем-нибудь сравнимое зрелище. Ярость и сила огня казались нескончаемыми. Но вот пламя из барового стекла желтым, потом голубым, синим и, наконец, оноло и потускло. В один миг стала яркая пульсирующая вспышка, которая светилась утоляемой сожжением саксаулом, а вверху, словно перекликавшись с ними, снова засверкала кремневая россыпь звезд с блескующими Млечным Путем.

Сейчас всех тянуло туда, где в черноте ночи карминным светом отливало раскаленное жарко трубой: теплый, яркий, боящийся сбиваться и сплющившийся песок не дает бы приблизиться к нему сотню метров. Но предложением ехать в городок и отдохнуть до утра, пока не остынет пустыня, никто не воспользовался. Короткая ночь у костров, каждый боялся пропустить время, когда в светле утра можно будет подобрать трубу и увидеть все своячи газами.

Непонятно почему, но мне это напомнило ночь перед глахарским током, когда жадь своего часа гденибудь поблизости, у лесного огня, покиравшись от холода и вспох — ожидание. Нодумать о глахарских токах в пустыне — занятие не из лучших. Вернемся к теме: сидя на жарко горячем саксауле и пивя себе зеленый чай из аломнитовых кружек, слушать быкальных трассовиков. Разговоры как будто о прошлом — о том, какой продув был на Таймыре, в Карпатах, в Тюмени или Толыятти и как далеко выбрасывал там ери, кто, где и когда варил «красный стик», — и все это прошлое как бы сливается с засыпанным (нет, теперь уже сегда) дном, которое всплыло. Костры горят, потрескивают, а покорежение растет, и едва рассвело, отправляясь искать «нан» ери. Пропасть по красному, скрещиваются пески пришлось вам метров восемьсот, когда увидели мы однотонную «пулю», зарывшуюся в бархан. Двадцать шесть километров в стволе трубы ерода, и еще Альянс.

Но если мы повинемся, это — легенда, то наши собеседники, парод, поездивший по стране и привыкший к масштабам, отводят, впрочем, не пытаются скрывать чистоту говоря об этом последней своей трассе.

На каждом большом строительстве всегда есть свое «первые», и люди, вполне понятно, гордятся этим. Причина же гордости трассовиков газопровода Шатлык — Хива понятна двойник: впервые газ пойдет под дав-

Читательское мнение о журнале — главный критерий оценки всякого издания. Поэтому так внимательно относятся к мнению читателей, высказанному в письмах, в устных выступлениях на читательской конференции в анкетах. В течение 1973 года редакция журнала «Смены» дважды проводила анкетирование в городах с наибольшим количеством подписчиков. Ответы присланные читателям — критики в адрес журнала, предложения по содержанию и оформлению, — были обсуждены на заседаниях редколлегии и учтены в планах редакции. Часть отзывов о журнале напечатана в одном из номеров «Смены».

Прошедший январь этого года юбилей «Смены» — 50-летие со дня выхода в свет первого номера — вызвал повышенный интерес читате-

ля к своему изданию: в адрес журнала пришли многочисленные поздравления, письма-предложения, письма-пожелания.

Редакция провела ряд встреч с читателями, вошедшими в планы журнала. Так сотрудники и авторы журнала приняли участие в столовых выпечках альманаха «Молодая Москва», проведенном московским горкомом комсомола и обществом «Знаний» в Политехническом музее. Во Всесоюзном научно-исследовательском инструментальном институте перед молодыми специалистами выступили поэты журнала, политический обозреватель рассказал о международной обстановке.

Интересно прошла встреча с рабочими Первого Государственного ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции подшипникового завода,

На Московском автозаводе имени Ленинского комсомола редакция провела читательскую конференцию с обсуждением статьи, напечатанной в «Смене»: «Само душевное в человеке». Проблема охраны здоровья и безопасности труда, поднятые в статье, заинтересовали молодых автозаводцев, особенно мастеров, комсоргов, профсоюзных организаторов, содороговиков в цехах. Материалы выступлений рабочих, рассказавших о своем опыте организации соревнования, о трудностях и успехах, будут напечатаны в ближайшем номере журнала. Редакцией запланирован ряд встреч с читателями «Смены» в городах с наибольшим количеством подписчиков. Каждая такая встреча с читателями журнала взаимообогащающая, обойдется полезно.

лением в семьдесят пять атмосфер, газопровод выполнен из труб диаметром 1420 миллиметров, а это значит, его пропускная способность втройке больше, чем, скажем, на трассе Бухарест—Бухара.

Эта подробность сообщает мне член космического отряда стройки Михаил Харченко. Крупная и красавица фигура, обаятельное, загорелое лицо с трехдневной щетиной, с легкой хрипотой, севший голос хорошо вписывается в эту рабоче-походную обстановку, и, как во всех сидящих у костра, видно в нем национальный поселянин: нужно рассказать Михаилу о трассе, о том, что с ним не доведется увидеть во времени у него в образе. Однако, торопясь, он что-то быстро пишет в блокноте, отрывает и подает мне листок.

— Сегодня подсчитал, — говорит Михаил. — Может, пригодится.

Вот на выбор несколько цифр. Трасса Шаталы — Хива — это сорок четырех с полтиной тысяч труб, сваренных в одну нитку; почти пятнадцать тысяч резиновых изолюбов; и, наконец, тридцать четыре тонны использованных электродов.

Сейчас пойдет последний. Он смотрит на часы и поднимается. За них встают остальные. Мы направляемся к траншеям. Впереди в своих рабочих доспехах «эзотов» сборщики сварщиков. Теперь слова за них.

В десять утра кашкаши и звездоческомпрессор засоряют тиннью пустыни. Взвешены монтины трубобукаудчики, воротятся над траншой для конца труб.

Кренко стучит, как моряк на качающейся палубе, по трубе к месту стыка идет бригадир Нани Ужаков, сегодня ему руководить бригадой сварщиков. Видно, что работа Нани хорошо знакома, но видно и то, что сейчас как-то особенно сосредоточено и внимательно. Правда, в конце концов, некто опущенный козырька оглядывает свою хижинку, высокая фигура выпрямляется во весь рост на черном лоснящемся теле трубы. Пожалуй, что стоит он не на круглой, скользящей поверхности, а на твердой бетонной плоскости. После короткой паузы, как это бывало перед взрывом динерской вспышки, чуть замедлив движение руки, Нани подводит команду, а в такт ему сразу крашеными трубобукаудчиками, дрогнув стыком, отозвались натянутые, как струна, стальные троны — и едва заметно на взгляд, начали складываться торцы трубы.

Бригадир нагибается и, точно сливаясь с теми трубами, малыми движечками кисти подает команды машинистам трубобукаудчиков; они должны понимать бригадира с полуслова от их спутника. Руки сварщиков, севшие под козырьком, как будто бы совсем склевались в теле трубы. Нани внимательно и пристально следят, как складываются, выравниваются по оси трубы и медленно, миллиметр за миллиметром, сужается зазор. Стоит! Есть! Можно жестом.

В траншее спускаются ветераны трассы Николай Котов и Анатолий Неплюев. Первый молниеносно сварки — и пошел, пошел! Руки сварщиков кажутся неподвижными, как укрепленные крепостные. Но видно, как медленно, с трудом, за 54 сантиметра, идут черезод бугорков сварки, как изкалывается в зазоре, становятся склизмы и твердеет метал.

Вторая пара — Сагин Утигениев и Автон Мусик — спускается в траншее. Еще один ровный сизый изог он показывает черное тело трубы, а в траншее спускаются Николай Шабельников и пары с Анатолием Безматерных. Соцапе стоит высоко, труба наклоняется — не прикоснувшись! работать все труднее. Но работают ребята, что называется, не гадят под лекоток.

— Молодцы, — говорит кто-то сза-

ди, и в ответ знакомый мне голос начальника штаба стройки Искандера Данияра-Ходжасева:

— С такими ребятами мост под огнем хорошо наводить.

Винтовка винтовка встречается в траншее Юлдан Аханизов и Геннадий Посокин. Биографии этих парней, теперь признанных асов-сварщиков, складывались на всесоюзных ударных стройках; здесь пришли опыт и мастерство, которое стало на трассе легендарным. Рассказывают, что Геннадий Посокину на строительстве головоломных сооружений в Нанье поручили сварить двести пятьдесят метров малярной трубы диаметром всего четырнадцать миллиметров. Шутники предлагали электрический нальник для ювелирных работ. «Обойдемся», — сказал Геннадий. Он сварил все двести пятьдесят стыков так, что даже самые придирчивые работники ПИАл (недремлющее око над сварщиком), как ни старались, не нашли в его швах ни одного свищика... Сейчас ему, сварившему за свою работу биографию уже шесть «красных» стальных дверево варить последнюю — лицензию — шов газопровода Шаталы — Хива.

Похожий в своем снаряжении на космонавта в скафандре, Посокин низко прижался к черному телу трубы и точно соединил все свое тело со стыком контактом освещительного огнишка сварки. Сейчас в этом пламени было он весь — его ум, весь опыт, мастерство, рожденное гордостью. Аппараты отточены и выверены, как у первоклассного хирурга. Кажется, что он работает космический инженер, а труба не металла, но живое человеческое тело.

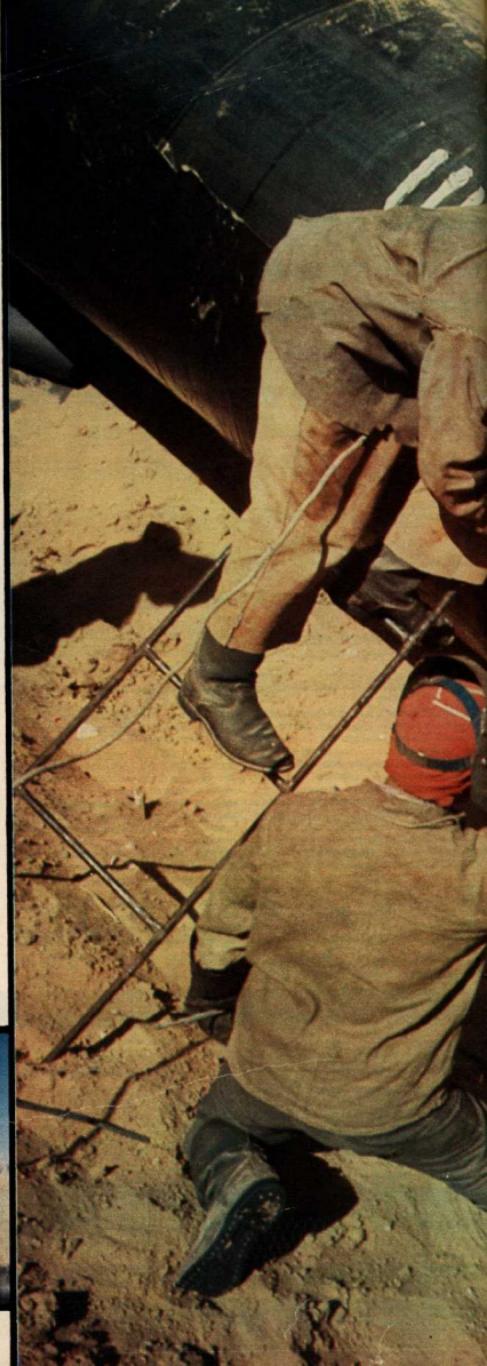
Последние сантиметры. Самые последние. Последний.

Геннадий выпрямляется, откладывает защитную маску, темной створкой ладони — жестом истинного боецкого — поднимает всю массу изолюбов, вагончиков на колесах и потягивает это временно жилье через пустыню к испытанным центрам цивилизации. Но уже сядясь в вертолет, мы видим, как к одному вагончику мягко подкатывается КРАЗ, стоящий тут же. трубобукаудчик легко поддергивает контейнер и опускает его на песок. А взлетая над городком, мы видим, как из контейнера вываливается изолюба сварки, потом баскет, болты боком хододильник «ЗИЛ», еще боком...

Люди решали обосноваться здесь надолго — на очереди вторая нитка газопровода Шаталы — Хива.



ЖАРКО.



ЕСТЬ КРАСНЫЙ СТЫК!



Чапай по улице идет

Я верю,
что Чапай бессмертен,
Что дожил он до наших дней...
Вот он сегодня на рассвете
Идет по улице своей.

Над мой здравия стоит высоко,
И шелест праздничных знамен.
Когда-то
Пролетел, как сокол,
Свободу этот тихий город он.

Дома поднялись к небу смело
Над майской песней сироты...
Давным-давно уже
Нет белых.
Нет фабрикантов и купцов.

На праздничные транспаранты
Ломится птич — огнист к ал.
Идут на площадь демонстранты,
Гремят «Интернационал».

Плечами к плечу идет с другими
Чапаев,
Думу затая —

Мое в каждом доме имя,
Так, значит, улица моя.

Идет по городу с колоной,
И взгляди, туманится слезой,
Когда читает он:
Буденевский,
И Ворошилов, и Лазо.

Из светлых окон льются песни,
Эсэнин в сдах оркестров медя.
Так вот за что
С другим вместе
Мы шли на подвиг и на смерть...



Александр ЦЕЛИЩЕВ

Черкасская мельница

Светлой памяти отца,
погибшего под Кадугой
2 апреля 1942 года.

На буром смытом берегу
Стою один.

Года синтав,
Застыло время на бегу,
Кринич в песке воронья стая.

Какие чувства и дела
Позвали к омуту печали?
Здесь ранше мельница была,
Ее Черкасской величили.

Красивый мельнико, молодой,
Силен, как бог,
и добродушен,
Затянет песни над водой —
И бег реки
ему послужен.

И растесаних хлебный дух,
Его вымыла вся планета.
И ни один еще петух
Не пел зарю
Того
Рассвета.

Но всколыхнуло мир: «Война!»
И солнце в мэрве забылось.
Из края в край
«Известия, страна...»
Могучи валом прокатилося.

Ушел отец,
Безмолвный кринич
Летел здигонку
Над рекою...

И жил на мельнице
Старик.
Как смыт голубь
Под стрекозу.

В Михайловском

Взволнованы встречено с поэтом.
С тех пор, как стал азы учить,
Все время в мечт об этом —
Михайловское посетить.

Все тот же бор и те же горы,
Лес, как при нем, шумят листвой.
Хожу по стежкам,
по которым
Ходил изгнанных молодой.

Все тот же свет сквозь ветви сада,
И пруд свой вид не изменил.
И тот же ветер, что когда-то
Его крылатку шевелил.

Ту песню, что давно пропела,
Деревня знает напузу.
Под ними, знавшим поэта,
Свои стихи читать страшусь.

Я сердцем их писал влюбленно.
Но трудно их поставить в ряд
Со строками, что эти кроны
И ныне в памяти храни.

И только лишь одним горжусь я —
Среди гостей со всех сторон
Я здесь
С наказом Белоруссии
Поэту передать поклон.

Горы ушли в листопады и вьюги.
Прокинуты осеней клены — пыльце.
Где вы сейчас, мой юности друг?
Хоть на часок соберемся давайте!

Вновь за оконницу выйдем все вместе,
В мир разнотравья — пестрый
и сладкий.
Вспомним забытые шутки и песни,
Может, смахнем и слезинку украдкой.

Лес за костром канет в сумраке
черном,
И соловей будет петь —
не зевайте.
Бульбой полонился печеный...
Хоть на часок соберемся давайте!



Перевод с белорусского Иван БУРСОВ.

Жил, как в тумане,
Как в дыму.
Терялся часто мысл у деда.
Но мама верила ему,
Что, мол, придет отец
С победой.

Земля годила худоним.
И танки
зло хлеба молопи.
И кто-то сумрачно
в мой дом
Нес похоронки
Через поле.

Ты, отец,
видел трех сынов,
А меня не пришлось увидеть...
обидеть...

Знаю я — не твоя вина.
Ты так ждал,
Говорила мама.
Выловила во всем война.
Ах, как ночь оставалась
мало.

Ты пришел бы
Хоть раз
Он сне.
Слышишь, батя!
Что тебе стоит!
Но землю сейчас
Порыси снег.
Приходи.
Слышишь, сердце стоит.

Приходи на заре,
До зары.
Путь далек,
Но ведь ты отважный.
Нам бы надо поговорить
Обо всем
И о самом важном.

Расщепился по-мужски,
Но посторонне скучные слезы...
Над тобою
Лежат пески,
Надо мною
Шумят березы.

Ночь глухая.
Все сны да сны.
Только встречи желанной
нет.

Лишь дождусь в новой весне —
И куплю на поезд билет.

Будет наша встреча горька.
Вот и новой весны
предвестинии...
Между нами
голос реки.
Скоро станем с тобой
роечинки.

Эти красивые гвоздики и тюльпаны —
Наша гордость,
Наша боль, отец,
взгляды.

Над землей висят
Багряные туманы.
Над землей восходит вечные огни.

Тяжело тебе
под грузинским венками!
День Победы:
павшим — слава,

память,
честь.

В изголовье встал солдат
на вечный камень.
Имена своих друзей, отец,
прочесть!

Как высок последний берег!
Что округи!
Даже наша жизнь

тебе, отец, видна.
Вон глядит твой спасенная Калуга,
Серебрится облака,
как седина.

Как безусые солдаты шаг чеканят!
Все живые перед павшими
в долгую.

Пусть бессядно жизнь моя
песчинкой канет,

Если в главном

я когда-нибудь согу.

На буром смытом берегу
Стою один,

годы считаю,
Застыло время на бегу,
Кринич в песке воронья стая.

Безбрежный силой полых вод
Слизнуло ветчу плотину.
Невозратим тот давний год,
Навечин он затянут тиной.

Но память!
Память, ты живя!
Бонинь босак над рекою.
Твои заветные слова,
Знай,

не давали мне покоя.

Ты драудят лет меня вела,
Манника к смыту печаки.
Здесь раньше мельница была.
Ее Черкасской величили.

Нет мельницы твоей, отец.
К земле склонюсь на колени,
Пою НАЧАЛО —
не КОНЕЦ.

Ведь хлебный дух,
как свет,
Нетленен.



Стихи о шапке

I

Что ж, и вправду она тяжела,
Мономаха престольная шапка,
Если скость тебе
Не дала
Государить ни волка,
Ни шатко.

Если часто трезвеешь во сне,
О кудре размножила границе,
И не щеется сладость в вине,—
Свежий ум в родниковой водице!

И на сердце —
Людески дела
И забот о пропорче охапка...
Потому что она и тяжела,
Мономаха высокая шапка.

II

По Сенкне — шапка,
Сарафан — по Марье.
Пойди попробуй,
Переспась венка!
Что твой прости?
Историчный писк комарий
На холке у ревущего быка.

По Сенкне — шапка,
— Не проплыть, Сенка,
Наша венка достоинство твое,
Не прошиби
Бенок бетонной стени,
Дремучего спокойствия ее.

Приимерки!
А то и без примерки
Натягивай на голову треух!..
В металлический толчек
Березы мерзнут,
И ласки
Как подбитый глаз, распух.

Болезненый!
И с натягом,
А помаргивает,
Распутывая тени по углам...

По Сенкне — шапка,
Сарафан — по Марье
И золотой орешек —
По зубам!

Ночь под ногами,
Как древесный уголь,
И пединисто куструка
И черна,
И конь мой
Злоумышленником угтан,
И где ловит? —
Не ссыщих ведуна.

Какой-то тайный говор —
Не иначе,
В проделке —
Сатанинская рука!..
Отчавные в ночи —
Слепая кляча,—
Осушши только пятак
О бока,

Начнет тебя
Морозить по спирали,
И в польнико
Недолго угодит!..
Судьба
Лишает разума вначале,
Кого приговорила погубить.

Ристящий окаймленный добыча,
В каких, Петас,
Укрылся ты ляг!..
Ночь под ногами
Гулкою зохот смычи
На четырех полошущих углах.



ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Мне радостно было читать эти стихи. В них сочетаются неподдельная свежесть взгляда и твердость почвы, что несомненно свидетельствует о литературном даре.

В этих стихах передко провозглашается: принес новый поэт. Но на самом деле юношеская свежесть и твердость даются только теми авансами, который нужен честно отработан.

Эти стихи — это юношеским, в частности, без злой общественной позиции, обратившим лишь на путях реального участия в жизни и борьбе народа.

Познакомлю же сегодняшнему дебютанту безусловной преданности нашему непростому делу.

Владимир СОКОЛОВ

Игорь ТАРАСЕВИЧ

Фото
И живу я не так, как ты хочешь,
и прическу другую ношу.
Вот зашел на минуту. Хлопочешь.
Извини, я спешу, я спешу.

В комнате сном поблекли
и прастаскался старенький шкаф.
И лоснится прутевые пытки
на немодных твоих пиджаках.

Стариковские плечи согнула,
на ноге круглое стекло настава,
на скрипучем ступле
ты читаешь стихи наррасцев.

Этот голос дней минувших...
И. Бунин

Все тихо в доме. Говори же,
когда до ночи подласча.
И вот они все блеско, блоке
и все понятней, голоса!

Уже почти шестое чувство
сейчас рождается из друг.
Уже она явилась, чистота,
было — зрение и слух.

Была действительно невинная
речь, не открыта спрва.
Опять спомонии и понятны
ее не легкие слова.

И из клубка воспоминаний
пылает, распутывается, нить.
Оно придет еще, сознание,
что ничего не изменить.

Опять сощающаяся ветка
во тьме поглядит по щеке,
оставив в пыльни заметку,
как синий якорь на руке.

До слепоты,
До помраченья
В кустах, за сонного рекой
Свою таблицу умночек
Зубрят куника день-деньской.

Всем червотрудым в назиданье,
Для устрашенных блудных,
Знать,
Изысканы боли ей наказанье —
Свою подицьшик считать.

А как не сбиться тут со счета!
В гнездовые камдом, почтай,
Навек оставлены юю кто-то...
Всю жизнь считай,
Всю жизнь считай!

До сухоты,
До помраченья,
До предвещанной немоты...
Реки ленивое течение,
Ольхи оглохшие кусты...

Все никак с тобою не расстанусь,
Все ничем не отблагодарю
За твою величайшую усталость,
За любовь,
Владавшую в зарю,

И за то,
Чему называна нету,
Что из душа испаряется стон,
Делает потом
Не воста,
Словно ты на небо вознесен,
Не расстанусь все никак с тобою,
Не привыкну к мыслимой недавней,
Что гора
Не склонится с горою
И ничего не вечно под луной.

Все понятны эти
Растяжими...
Не расстанусь все с тобой никак...
Веновечна низин,
Когда мы живы,
Веновечны солнце, воздух, злак.

Когда сиринавшиеся фразы
к бумаге вернутся, сплюша,
жив беззмянно буде рада
мои смущенная душа!

Ничных советов не виниша,
не доверя никому,
сам в это время понимаю,
зачем живу и что к чему.

Я знаю и это одиличье,
что делать надобно сптера,
и все пожертвую несчастью
умныя складывать слова.

Опять от счастья невмочь
ниль от беды какой подспудний...
Мне синяя ночь, мне синяя воль,
фонарь над стацией бледноно.

Но лишь проходит поезд там,
о стрелки теплые толкась,
точас в своей квартире сам
я моментально просыпаюсь.

Чуть видный красный огонек,
дрожка, пылает на перегорках,
и свет луны и фары лег
к деревьям, рельсам и вагонам.

Они блестят из донца.
Листы железноли наомоки.
Моя глаза глядят, глядят
на занавешенные стекла...

Судьба, как змия, заклина,
С ней —
С долей скрытной —
Лицо связь,
А жизнь,
Как будто неродная,
Прощадит мимо, торопясь.

Я — закипатель змей!
Фанор и
Рязинские пахарские кровей,
Напитанные яиченой ширью
Зоря августовских
И полей.

Сей промысл во мне
Откуда!
Что, промысл, обрету,
Коль знать доподлинно быть
Свою последнюю версту!

Пройдя ее —
И Боги смертны!...
Вольюсь в живой солнцеворот,
Что мокни быть
И цветы несметны,
И продолжи бессмертный род
И не преряся
Нить связозная
От солнца
К недрам
И живио...
Но закиняю,
Закиняю
Я долю скрытную свою.

Дожди гадели оголтело,
Весне расплювило грозы,
Как будто выспались хотели
Ее зеленые глаза.

Но расправили клены крылья,
Вставали сосны, подбочась,
И отрокины юнги прикрыли,
Втотили ее не дали в грязь.

Еще курялась, как хмельные,
Топтанясь у дерев дожди.
Но, свесив с тучи пучь босые,
Вставали солнце впереди...



Станционный домик в два окна,
садик с закопытым благоельем,
башня водокачки и над степью
тоненькая стрекла полотна.

Отблеск речки где-то далекко,
синее, засушливое небо,
с теплым, проминающимся хлебом
чистое парное молоко.

Городок деревенек на колыхах,
чернов, расплывшись поле.
Вечером — уютно и спокойно.
Огнины в бревенчатых домах.

Что бы с нами ни произошло
и куда с судьба ни заносила,
городок на долю определил
тихое российское село.

И за каждый миг удачный свой
я, не знающий исповедал,
буду бесконечно благодарен
маленькой травинке полевой.

Tамары, Оли, Светланы, Валентины, Нины, Веры... Модные брюки, мини-юбки, потрясающие джинсы... Десятый класс, первые курсы вузов, захватывающая физика... Девчонки симпатичные-восемнадцати лет они работают, учатся, развлекаются, спорят и мечтают, а потом приходит день или час, весна или осень, когда все летят к черту, все на свете перестает интересовать. Кроме одного — его, единственного, любимого. Тогда они становятся Джульеттами.

Ну вот, так уж сразу и Джульетта — это благородство, и тощина чувства, и мужество. Джульетта — трагическая героиня. А эти... шумят, песянки распевают, отпускают ехидные словечки. В подъездах целуются... или даже на улице. В общему ходят. Несерьезные они, каките-то сироты.

Зарывавшийся в романсики человек будет прав в том смысле, что с ее точки зрения они именно так и выглядят. (Интересно, что сказал бы папа Ка-плутти, если бы увидел свою doch с Ромео?)

Однако всегда ли мы выглядим так, как выглядим? На маленьких фотографиях для документов мы чаще всего не очень в себе походим, но нам можно идентифицировать лицо, позу, жесты. А в портрете (в том числе и фотографическом), скажем, мастером... и душа, и личность, и индивидуальность: художнику дано постичь суть вещей и явлений.

Посмотрите, как играет современных восемнадцатилетних Джульетт актриса Марина Неблова — Нику в

зелания вместить нечто новое в привычные рамки.

Светлая девчонка из «Турбазы», если оценивать ее в привычных категориях,— возмутитель спокойствия в масштабе общежития той текстильной фабрики, на которой она работает. Всех торопят, всюду сует свой нос, дерзят, устраивают сложные интриги. Ее считают двойкой союзницей общественности и художественной, а ее самое — это существо чистое, незное и испорченное. В свое время Александр Володин написал очень похожую «фабричную девчонку» Женевьеву Шульженко, потом Алексей Арбузов — Валку в «Приятской истории», потому что характер перекочевал из пьесы в кино, в книги в книги. Если бы Неблова продемонстрировала еще одну вариацию на эту тему, было бы пленительно.

Но Светлая Сальникова — из иного поколения, из поколения восемнадцатилетних. И ее представительницы по сравнению с ней кажутся рыхлыми, тихими и флегматичными личностями. В этой девчонке — энергия реактивного спарса и поражающая, восхищающая внутренняя свобода. Сила, иссущая ее по звуку, в ее самой. Для нее иной раз проще сказать, что я сегодня — купалась в купальне, купалась на море, спустилась вниз, набрасываясь на кого-то простила купальщиками по чистой спине, мельнула, и вот ее уже, кажется, нет, а она опять здесь. Пластичный рисунок роли может показаться наивно-реактивным, неизвестным, но в нем и прелестность: характерная для этого самого опущение внутренней свободы, раскованности, неисторичности сил: нужно идти — она бежит, шаг-

легкомысле! О, нет... легкомысле ничему не придает значения, легкомысленный человек вполне обходится без зевсомозных жизненных драм. Девчонкам, которых играет Неблова, иногда приходится притворяться легкомысленными — это у них плохо получается: натуралистка. Вот Валентина из «Мыслей нассы М. Рощина» весело впорхнула в дом, на ходу бросила родителям «привет», но вопрос «где так долго была?» небрежно ответила, что на коллоквиуме, а потом в библиотеке. Сорвала — была она со своим Валентином. Почему? Потому что ее обличают в ущерб, и мы, конечно же, ее из обложки — легкомысленное, проводившее испепеляющим, неумешким вней разборкой, ранит ее, причиняет почти физическую боль. У этой девчонки при всей ее небесно-современной манере поведения — тональная, душевная организация, с ней надо бы посторожиться, чтобы не сбить с толку.

Мама, тащая упаковку, что она лучше Валентины разбирается в Валентиновых чувствах, это конечно — понятно нам, зрителям. (Снова точный расчет, мастерство, умеет выстроить роль — а ведь это дебют, Светлана и Валентина — первые роли Небловой в театре, после которых она ушла в кино, где ролей рождается не целиком, не сразу, а скапливается по эпизодам, по кусочкам.) Мы еще видели то, чего

мама не видела — Валентину, влюбленную в Валентина, девушку, страстную тем, что любит и любима. Чуть за прожекторное лицо, полузадыхающее глаза... самые высокие минуты в ее жизни, когда весь мир — в человеке, которого любишь... Так, именно так было и у Джульетты — только ей Шекспир написал прекрасные монологи. Валентина — это нечто, что невозможно сменить и наяву смыть. Но не в смыслах дела, сила любви — вот в чём суть, вот чем они разны. (Монологи Джульетты можно пропустить так, что ее отношение к Ромео покажется не очень пристрастным.)

Их надо понять, этих нынешних Джульетт, им надо поверить. Но да, они понимают все, всегда помогают, не отступают от себя. Их монологи отличаются от самых смешных и наивных смычек. Но не в смыслах дела, сила любви — вот в чём суть, вот чем они разны. Правда, они тревожат нас за нее, не стараясь ни показывать виду.

Тревога его не напрасна — «он» разлюбил Нику, бросил, а вернее не понимает, что это такое. Так же у нас с тобой это твой умный, хранящий секреты, девчонка, которую мы видели в предыдущих эпизодах? Может быть, она из тех, про которые говорят, что они ничего не воспринимают всерьез?

На экране — лицо, искаженное болезнью, залитое слезами. Ни горе, не беда — катастрофа. Мир рухнул, нет токи опоры, сама близкий человек не может ничего помочь — так это сказали актеры.

Эпизод потрясал силой и открытостью переживаниями, душевной обнаженностью. Но он может служить

ДЖУЛЬЕТЫ МА

фильме И. Азрибаха по сценарию Е. Габриэля «Монолог». Светлану и Валентину в спектакле молодых театров — имени Моссовета и «Современника» — «Турбаза» — Эд. Радзинского и «Валентин и Валентина» М. Рощина (режиссеры — А. Эфрос, В. Фокин). А специально для тех, кто не может посмотреть, я задал ей вопрос:

— Ну, как вы относитесь к своим юным героям?

— Хорошо.

— Что вам в них нравится?

— Естественность. Импульсивность, восприимчивость, свой взгляд на жизнь и на людей. Душевная открытость. То, что они молоды. И то, что они красивы.

Отвечая были именно такими — юношескими и без подхвостий. Мне вообще показалось, что Марина не очень любит отвечать на вопросы, которые чаще задают актерам журналистам. Объясняется это не новышенной скромностью и уже тем более не высокомерием, надеждой на лучшую роль. Она любит сама за себя. И несомненно следит за своим и многообразным образом в короткой формуллизации, в двумя-тремя фразам, которые любы должны выражать ее сущность. На самом же деле выражают они лишь какой-то из штампов нашего восприятия: любовь к коротким и искривляющим формулировкам — это пропаганда

нуть — прыгает, сказать — кричит. С точки зрения взрослого, полуживого человека, такая Светлая — разбалованная и неответственный девица. Но в игре Небловой эта точка зрения, так сказать, устремлена вперед. Она может показаться только, но на самом деле ей просто пока некуда девать свою энергию, жажду жизни. Работа и все прочее — ей этого материала разве мы не видите?

И вдруг — актерская, и перед нами актриса, застывшая в мгновении величественности Светы. Она поднялась и сказала об этом (неудобно говорить перво? Ну, вы, мы сами понимаем, что такие условия не для нее), она с человеком, которого колобробла. Нет, смерчи и ураганы, бушующие в ней, не утихают, не исчезают, просто теперь это не мгновение, а долгий, долгий проклятый. Волна волны — и разрастается она мотивирована и оправдана, если актер умеет им пользоваться. Неблова умеет, в ее игре — сочетание неподсказанных, индивидуальности и точного расчета. Внутренний мир ее героянки открывает всем нам, зрителям, не это ясность, но и простота, отождествляемые с мудростью, не только то, как хорошо в них отображается актриса, но и то, сколь они духовно богаты, как щедро одарены природой. Они галантны — не в каком-то профессиональном, а в человеческом смысле. И любят открыто, щедро, чисто и талантливо,



Фото Виктора САНКА



РУПЫ НЕЁЛОВОЙ



и мерилом мастерства Неклядовой — позволить себе улыбку, иначе, нарушившую лицо может актриса, но тоже абсолютно профессиональная, умеющая не только пережить, но и выразить...

И все-таки даже после «Монолога» я бы не стала писать о ней. Все таки фильм делается из кадров, из эпизодов, по одному из которых снимают уже и дубль, и третий, и даже четвертый. А в театре моментами не обойтись, здесь надо сыграть сегодня вечером, от начала до конца — пережить и выразить. Именно в театре и становятся ясно, на что способна.

— Бывает выходить на сцену. Так много людей в зале... и знакомых, и тех, чье внимание важно для тебя, и всех остальных. Волнуюсь очень перед макияжом.

— А из сцен?

— На сцене — нет.

— А что все-таки интереснее вам, что больше дает — театр или кино?

— И то и другое. И еще телевидение. Только сцену ходить не люблю. Она не всегда приносит радость человека. Продюсер, какой актер не стремится играть как можно больше? Пожалуй, нет таких актеров. Но одних это стремление влечет от роли к роли, из театра в кино, из кино на телевидение, на радио, на эстраду —

— актер играет, играет, живет игрой без которой в насыщенной театральной жизни, это знают, ее попутают... только вот как-то не потрясает он, не жжет глаголом сердца людей.

Неклядова пока сыграла не так много — две роли в театре, шесть в кино. Я написал о лучших — о тех, в которых удивительные сочетаются исключительное и типичное. Ее исключительность — Джульетта, воссиявшая на летние деревенки, как две капли воды похожи на твоих, когда мы видим в жизни. Но она заставляет нас вспоминать в них понимательное, и мы видим, как они, вневременные, идеальные модой и манерами, различны — и как незмузумны и как прекрасны и высоки в любви. Сначала увидела («Ну да, ты сама...») — потом открыла («Ты же, вот они, оказались, какие!»). За внешность — духовная сущность покорения. И самой актрисы.

— Марина, вы можете сказать, что такое хорошая роль?

— Но могу... Это понимаешь не головой, а чувством.

— Я бы попробовал выложить из нее кружево — будь точную формулировкой, что она могла бы сказать, все равно получился бы белым по сравнению с тем, что она играет.

Наверное, хорошая роль для нее то же, что для ее героян любовь.



тот зеленый уголок волгоградской земли стал последним пристанищем Александра Яшина. На самом утре, на берегу Юр-реки, в окружении северного леса стоит одиноко рубленый дом, поблескивающие стеклами окна, а в нескольких шагах от дома — могила, где покончил с собой плах.

«Хороните меня на Бобришном Угоре», — писал он за год до смерти, не думая, конечно, что так скоро это случится.

Это — «самое чистое место на земле, самое дивное и сухое».

В громы обманных, в обманах обманывал.

Лишь через шесть лет после смерти Яшина мне впервые удалось пройти пешком на Балуанова и подняться на Бобришний Угор, проедя путь, который творил Александр Яковлевич. Дом и могила содержатся в образцовом порядке — воложатые как память своего поэта. У изголовья могилы шумят листвой и золотятся на солнце березы. Тиншину и покор нарушает только птичий гомон. Повернувшись к ветерок, — верно, «пахнет ягодным бором». И уже самому верится, что вот-вот «душе» ставят ведом говор трав и лягушек...».

На Бобришном Угоре
Воздух синий, будто в море,
Родниковые зори,
И с ними я и не в сире.

И как, побывавши здесь, вы не погрустите. «Я получал письма от деревни Быково, деревни моей, где скрывалась, написавшись сказка». Здесь он скрывалась «от существ будущих», здесь находила отдохновение для души, здесь мечтала «себя в чистое время, недоступное людям» (потом, Большой, умирающий, говорил: «Пусть бы скрючило руки и ноги, только бы сердце стучало, да глаз видело, да хватало бы сии водить первом по бумаге...»), здесь написала стихи, которые стали украшением его книг.

«Бобришным Угором», — писал Яшин, — сейчас называю не только облюбованное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит моя охочитинский дом, но и все деревни Балуанова, в которой я родился, и район, и город Никольск, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Россия моя — Бобришный Угор. Поззиана — тоже о Завещании моей жизни на Бобришном Угоре.

Конкретное понятие, точка на географической карте стала обобщенным образом, знаком.

«Городской» поэт Михаил Светлов придумал сказку про «охотничие альбомы», чтобы собрать в нем компанию лесных жителей, зверей, птицеров, живущих в «египетском охочитине». Яшин же, конечно, было придумывать сказку, его «охотничий альбом» — Угор, деревня Балуанова, в которой родился, вырос, жил и погиб Федор Александрович Абрамов. Ему посвящено одно из лучших стихотворений книги «Боском по земле» — «Запасаемся цветами. Стихотворение с широким взглядом на север, уже не от Бобришного Угора, — с более высокой точки обозрения. В нем задана представлать край, где, «как пригород нации» за Архангельским — полоса».

Идея компенсации, как бы предусмотренной природой для северного человека, заложена в этом стихотворении. Да, на Севере — и вечная мерзлота и долгий северный зимний день, и сильные морозы, и сильные снегопады, запасены цветами. Еще раскрыты «охотничий альбом» стихотворения, и становится ясно, какую же роль играл Бобришний Угор в жизни Александра Яшина. Роль светотаплакши для души, аккумулятора творческой энергии.

С Бобришным Угorem связано и Яшина обновленная чутка Родины, преодоление нравственного и, стало быть, творческого кризиса на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов. Оно, это чувство, никогда не покидало поэта, ни в период всеобщего строительного энтузиазма тридцатых годов, ни тем более в годы великой битвы с фашизмом, и во момент тяжелых душевных переживаний оноказалось чудодейственным лекарством.

Спасибо тебе, Балуаново,
Дорога в лесной глуши.
А начиная зеленью, снова,
А это — хлеб для души.

У Яшина есть стихи с Родиной, написанные с эпическим размахом, соответствующими ему высоким слогом, но родная северная деревня Балуаново, Бобришный Угор волеи не, которому он посвятил книгу «Боском по земле», не нуждаются в высоких словах, они для этого слишком близки, доступны, опущимы и рождают такое щемящее, непосредственное ощущение Родины, ощущение того материального мира, с которого начинается Родина, превращаясь потом уже в понятие нравственное, как будто поэт только что открыл их для себя. Но открыта, уже однажды открытое.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не изменил судьбу
Тут наизусть душу знаю
И чувственно —
В этом суть.

И фыстк' иногда суррова
Над северной рекой, —
Я тут живу
Из Балуанова,
Из Балуанова,
Из моих судьбы.

Как говорится, тут ни убить, ни прибить, все сказано, принесика к родине сделана навечно.

В середине пятидесятых, на сломе души, Яшин декларативно, как бы со стороны воспевал Север («Только здесь, на Севере моем, такие да таки зори, дрейфующие алдины в Белом море, игра сплоков на небе ночном»). В том же духе говорилось и о людях («И, уж конечно, нет никде людей такой души, и промты, и смы...»). Правда, вывод был довольно радикально-национальный, что моя, «если в одном краю», то в другом краю, то все сказанное о Севере можно было сказать о той, другой, родине.

Правдивые, позитивные, ясные Яшина, начались с нового, внутреннего ощущения Родины. И происходило это на встрече с Родиной немолодого уже зерноголового человека, много пережившего и испытавшего, и с иным жизненным багажом, с иными представлениями о мире перенаполнявшим, порог отчего дома.

В «Военном лётчике» Сент-Экзюпери рассказал эпизод бесцелевенного и безнадежного полета экипажа разведывательного самолета, который был заброшен на гибель. Герой произведения обещает себе, если останется жив, ночную прогулку по родной деревне, чтобы понять самого себя. Он сдержал слово. «Мне кажется, я многое понял за эту мою необыкновенную ночь в

А. МИХАЙЛОВ

БОБРИШНЫЙ УГОР

Из книги об Александре Яшине

Архивы — размытые лица... Вокруг меня какая-то необычная тишина. Маленький звук, словно звон колокольчиков, — это падающий звезды. Всё стало для меня таким близким. И это жалобное блескание звезд, во всем блеске, и скрип прятанной кем-то двери. Словно все происходит во мне самом. Я должен немедля постичь смысла этого чувства, пока оно не исчезло...»

Для того, чтобы осознать себя, надо было пережить смертельную опасность, надо было еще оказаться в условиях наибольшей близости к природе, к естеству, надо было оказаться в селе я деревне. И это для военного летчика, учащегося техники, отчуждавшегося от земли, от села, от деревни («Там, среди лесных берегов, я возмужал и взрослел, перешел в село я деревню, я стал землемером и государством, была вододувавшейся во всех отношениях. Главным же было и государством, было самоцелевидением — было осознание того факта, что родина — это абстракция, не общее понятие для высоких и красивых речей, призыва, аузонгов, а это — дом над рекой, ягодный косогор, трактор в поле, весенняя страда; а отсюда, от этих живых и зримых, знакомых с детства материальных примет родного гнезда, начинается большая Родина, и тоже не как абстракция, а как великая держава, населенная миллиардами людей-тружеников, как обжитая и теплая матери-земля и как целина для вспашки под урожай будущего»).

Новые опущения связывались с весенним обновлением природы. Оно как обновление души. Традиционный для лирической поэзии ассоциативный ход «У Яшина эмоциональное всего что состоялось выражалось в стихотворении «Хочу весну!», вероятно, самом оптимистическом, самом ярком стихотворении поэта из написанных им за последние полтора десятилетия его жизни. «Оттаяло сердце, принес мой срок...» — таково признание поэта, и он открыто, может быть, уступает наструм в весене жизни: «Восхищены руки тяги туда, где поднимется, туда и сюда, к весне моей, к счастью. Хочу весну!»

Под этим приобретением стихотворение, вполне возможно, стало самим символом весны, неуверенности в себе. У Яшина не раз бывало такое чувство: погружен в настроение, вызванное то ли перипетиями нравственной жизни, то ли физическими страданиями. И «Переходный возраст», написанный почти в одно время со стихотворением «Хочу весну!», — крайняя степень подавленности и смятения в лирике тем лет.

Совершенно очевидно, что это — кризисное состояние. Верхняя Мертьянская Терка, как подзане определил его Яшин, «ем... наивысшей слабости, за которой скрывается избыток энергии, привык новых сил («ВМТ»). «И спат не могут и есть не могут в сне, и вспоминать не могут...» — вот этот мир наивысшей слабости в процессе нравственного самовыражения.

А в концов стихотворения совершенно неожиданно переосмысливаются строки знаменитой песни «Синий волк»:

«От горы уеда, от хвоя уеда, от смерти уеда — от себя не могут...»

Спроси к себе здесь буквально на грани самовыражения. Погоднее таких состояний уже не встретишь, даже в предварительной кончине. Быут перепады в настроении, будут будь радостью, покой и смятение, не выдергиваю ни разу из жизни.

Жизнь учит его пониманию той самой «осознанной необъяснимости», которую он довольно долготично поражал Принципом, на которую лирические постыдные и жалкие люди учат его, что к кризисным моментам надо «выходить, выходить...» — и в этой стадии, как бы, не может не быть, будь радостью, покой и смятение, не выдергиваю ни разу из жизни.

Отметим же для себя, сколь противоречиво сладко-сладко было в этом времени, когда Яшин, будь радостью, покой и смятение, не выдергиваю ни разу из жизни.

Именно меж этих строк возникает знакомая уже нам декларация: «Сам за все отвечай хошу». А поиски эстетического претворения «сторожественного обещания» быть правдами «во всем яко конца» приводят Яшина к тому, что и языки, родной же русский язык, «подобен правде самой», что он выражает широту и мощь народу, его песенную душу и отмывчивость к чужой доли и радости, в нем плоть земная и трудовой опыт человека... Такой язык создан для того, чтобы говорить правду.

Ни и беззвуко, ни и сомнению
Не пристыжу душа моя.
Просто стало острое зрение:
Песену яко конца яко конца.
Вместе с ним новорожден и я.



Но вернемся к Бобришному Угору, это он стал символом обновленного чувства родной земли...

Поэт еще и еще раз ищет сближения с природой, чтобы отрекнуться от себя наследия прошлых годов и житейских неизгода, и вновь, как в детстве, почувствовать росину прохлады утра и снежность родниковской воды, мозоли на руках и усталость в теле от крестьянской работы. Ему необходима эта смесь впечатлений, чтобы отрешиться от привычных мерок в суждениях о жизни.

Но этим ли только жизнь красна? Да и можно ли забыть, что предшествующая книга Яшина вышла под названием «Совесть», что поэт призывал читателей: «Спешите делать добрые дела!», что он жаждал личной ответственности за все происходящее в мире? И тогда же сам поэт в пророческой речи позывает: «Добро и зло — оба требуют от человека отвественности!»

Но есть сразу и одновременно ответ на эти вопросы. Любому художнику бывает когда-то необходимо уединение. Наступает момент творческого обобщения накопленного опыта, претворения его в краски, звуки, слово, образ. И тогда житейская суета мешает художнику, отвлекает его, не дает духовно мобилизоваться, сосредоточиться. Вот в чем великая польза уединения. Есть и другая сторона, уже моральная, у настойчивого желания уединиться в лесу: Яшин верит в целиительную силу природы.

В сосновом бору,
В березовой роще,
Где тихо и спокойно желанье жить,
Мне, склоняясь, только добрея, и проще,
И человеку хочется быть.

Вот это уже прямое продолжение и развитие главной темы предыдущей книги, темы практнического обновления, характерной для поэзии шестидесятых годов. Но роль лесного отшельника как **жизненная позиция** не по Яшину. Сам он избегая высоких слов, говорит об этом по-содатски коротко и сухово: «Не положено». И конечно же, здесь, в лесном уединении, все равно невозможно отрешиться от людских забот, ибо даже в доме под старой крышей сегодня неизвестно не почувствовать, что «все в тот не парод».

Но есть остальное — на обрывках и сканах на сени. Он несет трудасты социальных и духовных обновлений деревни. Но в нем глубоко коренится вера в будущее, лежащая на общности его судьбы и судьбы русской северной деревни.

—Круговорот природы вновь и вновь приводит поэта к житейским делам, к насажденным заботам, которыми жив человек и каждый день и на многие годы вперед. А Яшин жил все эти годы беспокойно, нервно и только грезами бежал в охотничьи избы, ища уединения и покоя, чтобы привести в порядок нервы, успоконить мысли, дать остыть чувствам. Составные же неподобные, желание перемеша, желание чего-то такого, что всколыхнуло бы чувства, обожгло сердце, высекло искру творчества, тоже оказывается в сениах остатками, а также в дальнем болоте («Лирическое бесполезие» «ВМТ»). Яшин размышляет: стремление каждого человека к своей ВМТ, к вершине жизни, достижение ее, может быть, и есть настоящее счастье.. Нет, все в жизни оказывается сложнее.

Я — человек,
И чтобы жить,
Хому одолеют свою слабость,
Свои страхи
Уйти от разновинки,
Даю если в нем мое счастье.

Читатель, наверное, обратит внимание на то, что Яшин, который, кажется, так pronto укоренился в народно-поэтической традиции, заговорил вербализмом. Что это — эксперимент? Возможно. Но никак не ради самого эксперимента. Такого с Яшином не может случиться. Значит, что-то из ряда во всем выходящее побудило поэта обратиться к необычной для него форме свободного стиха, к необычайной форме поэтического самовыражения...

У Яшина несколько стихотворений, написанных свободным стихом. Вот еще одно из них — «К тебе обращаются, душа моя!». Как и «ВМТ», она написана об общности судьбы, но отличает ее от позиции Яшина ощущение единства с человеком, с миром, с природой. И приходит к выводу, что поэзия — «посыпку, она в приводе, в людях», она существует «как бытия всеменной». «А поэт — вроде приемщика». Но если он истинный поэт и человек «думающий и страдающий», он пропустит волны поэзии через свою судьбу, через свою душу».

Последние строки звучат как заклинание: «Весь мир — поэзия. И я обра-

щаюсь к тебе, душа моя: будь хорошим приемщиком, чутким, многогранным, искренним, как двадцатый век... — приглашена одна волна, переходы на другую, чтобы ощущать поэзию как бытия людских сердца».

Можно кратко и спокойно сказать о Яшине, что он — поэт. Мне, например, он не кажется органическим для него. Но нельзя не заметить, что поэт правильное понятие, и оно бывает иной, непривычной для себя формой (он избрал свободный стих) в том случае, в котором ему потребовалась большая внутренняя свобода и раскованность высказывания. Подлинность чувства очевидна, даже несмотря на некоторый рационализм образной структуры. Но это уже не за счет вербализма. Рационалистическое начало кое-где обнаруживает себя и в рифмованном стихе. Обнаруживает под покровом внешней экспрессии. Например, в стихотворении «Все можем с его газето-риторической структурой и совершенной рассудочной концепцией, в некоторых других стихотворениях...

А любовная волна, захватившая в шестидесятые годы поэзию, не всегда шла по глуби, она выплескивалась и на мелкие места. Не у всех поэтов достала сила проникновения в интеллектуальную сферу современной действительности. И традиционные лирические медитации порою подменялись голыми абстракциями, логическими построениями, образно-эмоциональная система поэтического подменялась рассуждательством. Не избежал этих слабостей и Яшин.

Но если говорить в целом о том периоде его творчества, то нельзя не заметить, что в стихах поэта живет страсть и мысль человека состоявшегося, беспокойного, даже, как говорят на языке Яшина Севера, рискового. Позднее Яшин найдет в себе «преко-французскую» струю поэтического развития. А в пору нацистской «преконструкции» по контрасту с тихой задумчивостью в Яшину вдруг прорывается «жажда опасности, риска, небытых опасений». Что переживает этот как будто бы достаточно рассудительный человек, стоя на горной вершине?

До крика охота, до муки

Швырь с отвесной стены,

Чистые синевы ручьи,

Прониреть,

Сомываться лы снега.

Свет добра и человечности излучает поэзия Александра Яшина, этим она и дорога сердцу читателя, этим и привлекательна. Именно поэтому хорошо вспоминается в прелюдии поэзии шестидесятых годов. А поэзия шестидесятых, с одной стороны, обносившая на земле, выбиря опущения естества и плотности мира, и Яшину здесь отводится видное место; с другой, — уже чувствуя метафизическую основу бытия, устремляется в горына вью человеческого духа. Реймер этот образнесен не сколько нечестиво, сколько иронично.

Символы любви — любовь зреального и смысла человека, смело надущего нацистскую. Но любовь — это трудная, осложненная такими эмоциональными контрастами, что и пространство ее неизвестно. То он мечтает даже о безответной любви, или любовь всегда является своеобразным ферментом жизнедеятельности: «столько бы простота не знать души» — «скрыто жить, в немилости, но в любви мог из-под ног вырасти на ее виски»... — то верит в привнесение любви и живет этой верой, то несет в себе горькое чувство разочарования — «Трудно жить, молча жить, молчу до ожесточения...», а то и вовсе падает в отчаяние перед неожиданными любви. Ведь и у любящих сердец не всегда блещут в уинкос, ведь и у них возникает чувство отчуждения, рождаются парадоксальные предположения:

Нет в любви ее ревности!

Ни добра, ни простира.

Извела меня ревность... —

Может, неизвестно это?

Но самые сильные, самые пронизывающие стихи любовного цикла вызваны потерей любви, горкой, трагической, невозвратной потерей. «Ночная уха»: «И я вспоминаю... «Думалось да казалось» — сколько в них тоски, отчаяния, любви». Сколько горечи, горечи и разочарования, раскаяния в том, что раньше может быть, чем-то не было. И в то же время убеждения, что «не надо каяться», ибо «ведь еси с болезнью, то виновен, всегда — не знать бы нам счастья, ощущать беды». И, наконец,nota отчаяния:

С горем не в силах спрятаться,

В голос реву,

Нет ничего не напропасти:

Из-под земли не вынтица,

Разве что не наути,

Так и живу.

Жину?

В стихах о любви Александр Яшин предстаёт человеком, сильно и тонко чувствующим, первоначально отыскивающимся в ее первинности этого неподвластного рассудку чувства, открывшим настрему ей и до конца честным в самых критических его ситуациях. А не этим ли и жизнь красна — большой и честной любовью, состоявшим отношением к людям, заветно думой о Родине, горечью сожалением сантыся с народом в его неизвестном пути к счастью и процветанию?

«Однажды Яшин задался вопросом: «Счастлив ли я?»

И вот Яшин, вспоминая о любви, отвечает на него, что он, память то, что память не может кому-либо помочь. Значит, заключает он, «еслиде мое не зачертостало, ауша у меня живая, и — человек». Но есть еще другая сторона у этой медали, на которой отчеканен силуэт человека — его прыжание, профессия, его главное дело в жизни. Яшин и тут проверяет себя внутренними ощущениями, ведь он работает над книгой, тоже паччет, доходит порою до исступления, значит, счастье его не снит, значит, есть в нем искара бояка, значит, не зря народ корчит ему своим хлебом!

Но плачет ли кто-нибудь

над моими книгами?

Счастлив ли я?

Этими строчками кончается размышление. Нет, не кончается, — обрывается полуразбой, вопросом. Вечным, постоянно волнующим и заставляющим мыслью быть вспоминать о самородной посредственностью никого не сомневающейся яркости Яшина. Известный художник редко находил удовлетворение солидным им в искусстве.

Александру Яшину было чуждо самодовольство. Наоборот, последние годы своей жизни, словно бы уже предчувствуя скорую кончину, он все требовательнее, все пристрастнее допрашивал себя о прожитой жизни, терзался сомнениями, так как он писал свою «книгу жизни»...



2. Автомобиль

Мангуль мог бы абсолютно точно сказать, им, что это машина: «стимулерберг» по последнему выпуску с автоматической передачей передач, мотор «V8» в 300 лошадиных сила, максимальная скорость — 180 миль, бензобак — 100 литров. Мангуль имел дело с автомобилиями с четырнадцатью лет — а сейчас ему было уже около сорока — и интересовалась всем, что мчится на четырех колесах, не меньше, чем теми, кто ходят на двух ногах и высоких каблуках. Читал он только «автомобильный аргус» и рекламы женской косметики, которые лежали обычно на столике в аптеке.

Мангуль — не любил называть кому-либо свое мнение, тем более клиентам. Он уже на опыта знал, что владелец французской машины спрашивает вас об американской лишь для того, чтобы узнать, сколько она стоит. А техническая сторона француза не интересует, он обычно уже заранее убежден, что с этой точки зрения она не стоит ничего. Это, естественно, не относится к знающим, но те и не задают вопросов. Вот потому Мангуль, когда он слышал эти «стимулерберды» с сиденьями из искусственного цицеро, коротко отвечал:

— Она должна стоить не меньше пятидесяти тысяч монет. Сущие пустяки.

Мангуль наполовину был бензином и теперь пропирал ветровое стекло. Рядом с ним стоял дарвинский виноградарь Шарль Боло и агент по продаже недвижимого имущества из Соле, долгоживший и худой обладатель малолитражки, который заезжал на станцию три раза в неделю, но имени его Мангуль не знал. В эту минуту они услыхали крик. Мангуль, как и его соисподники, исчезли из кабинки и стояли за дверью, застынув вместе, хотя он, пожалуй, не мог бы сказать, что этот крик был для него неожиданным. Во всяком случае, менее неожиданный, чем если бы это произошло с другой женщиной.

ЛАМА В АВТО- МОБИЛЕ

Еда он увидел эту молодую даму, как подумала почему-то, что она не совсем в своем уме. Может, дело было в ее темных очках, ее немигающей глазами (она произнесла всего однажды фразу: «Самые необычные вещи в ее жизни»), ее временных ходыбах, то ли от усталости, то ли от аппетита, склонив голову набок. У нее была ослепительно-красивая, очаровательная походка, словно ее длинные ноги начались у талии. Глядя на нее, Мангуль невольно подумал о раненом животном, хотя затруднялся бы сказать, на кого оно больше походило — на хищную рись или беззащитную лань. Но, как бы там ни было, животное это выировалось из ночного мрака, потому что под светящимися волосами дамы угадывались темные, мрачные мысли.

И вот в сопровождении трех мужчин она вошла в контору Мангуля. Когда она выходила из туалета, мужчины хотели взять ее под руки, но она отстранилась. Теперь она уже не плакала больше. Она прижимала к груди раздувшуюся руку с широкой синеватой полосой на ладони. Даже несмотря на испачканные белым kostымом и беспорядочно растянутые волосы, для Мангуля она была олицетворением изящного животного, принадлежавшего некому — именему — избушке господину с тут же забытым клическим.

Мангуль почувствовал себя слегка уязвленным, понимая, что ему не удалось бы обольстить такую женщину, да и вообще такие не для него. Но еще больше его огорчало другое. На пороге дома рядом со своей матерью стояла и смотрела на них девочка. Ей было семь лет, и хотя Мангуль ни на минуту не забывал, что она не его дочь, он больше всего на свете дорожил этой девочкой. И он платил ей тем же. Она даже восхищалась им, потому что когда у отца в шапочках «дадару» висели кисти с морковью, она с интересом обращалась к нему, а в его руках манмана снова становилась машинкой. Мангуль было очень не приятно, что девочка видит, что он попал в затруднительное положение.

В конторе он усадил эту «стимулерберду» у широкого окна. Все молчали. Мангуль не осмеливался отослать девочку, боясь, что она не него обидится. Он вошел в кухню, достал из стенного шкафа кипу и из раковины — чистую скатерть. Мангуль, его жена, вошли вслед за ним.

— Что случилось?

— Ничего. Я сам не знаю.

Прежде чем вернуться в контору, он хлебнул коньяк прямо из горлышка. Мизгита не упустила случая сказать ему, что он слишком много пьет.

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевод с французского Юрия СЕВЕРОВА
Рисунок Валерия КАРАСЕВА

за что он по-баскски ответил, что благодаря этому он скорее умрет и она сможет еще раз выйти замуж.

Манузль налила полокружи коянки и поставила ее на оббитый железом стол контролы. Все молча смотрели на рюмку. Дама из машины лишь отрицательно помотала головой. Манузль непринятно было начинать разговор, прежде всего из-за девочки и еще потому, что он знал: его баскский акцент вообще вызывает удивление, а в таком месте он был просто смешон. И тогда он решил перейти в наступление и, раздраженно взмахнув рукой, сказал:

— Вы уверены, что на вас напали. Но ведь никого не было больше. Вот кто был, тот и остался. Аично я, мадам, не знаю, почему вы говорите, будто на вас напали: просто не знаю.

Она смотрела на него через свои темные очки, и он видел глаза Боло. Их глаза были пронзительными, выражавшими беспощадность и злобу. Наверное, они думали, что она олимпийщица или что-нибудь в этом роде, и им было не по себе. Но Манузль знал, что это не так. Однажды ночью, как раз в тот год, когда он приехал во Францию, на станции обслуживания под Тулузой у него украли сумку с инструментами. И сейчас у него было ощущение, что он и не смог бы объяснить — почему — что он ограблен в какую-то историю.

— Кто-то туда вошел, — утверждала дама. — Всех должны были ее увидеть, ведь мы стоим наподалеку.

Говорила она так же неторопливо, как и ходила, но голос у нее был спокойный, и в нем не чувствовалось никакого волнения.

— Если бы кто-нибудь вошел, мы, конечно, увидели бы, — согласилась Манузль. — Но в том-то и дело, мадам, что никто, никто туда не входил.

Она повернулась к Боло и добавила:

— Погоди пока ее увидеть, ведь мы стоим наподалеку.

— Все же не станете утверждать, что это была кто-то из нас? — спросила Манузль.

— Не знаю. Я вас в первый раз вижу.

Все трое от неожиданности отшатнулись и с глаумым видом уставились на нее. Предчувствие Манузль, что среди пассажиров машины находятся опасные личности, как той ночью в Тулузе, было вполне укладываться. Прямо это упоминало то, что он не знал своих клиентов все время, пока она была в трактире (сколько это длилось — минут пять, шесть?), но по наступившим вдруг зловещим тишинам он понял, что и они насторожились. Тишина нарушена: агент.

— Может, ваша жене следовало бы увести ее вон, — обратился он к Манузль.

Манузль смотрела на него с любопытством, как жена, что Рико не может оставаться здесь, да и сама она, если не хочет получить такую вибучку, о которой будет долго помнить, лучше пойдет помыть свежим воздухом. Она выплыла, удалив легочку, повернувшись, переворачивая взгляд с дамы на Манузль, пытаясь понять, кого в чем обвиняют.

— Никто из нас троих туда не входил, — проговорил Боло, обращаясь к даме, — не утверждаете того, чего не было.

У болотного, чистого Боло голос был под стать ему. Манузль написала, что Боло складен именем, то есть что надо. Нечего возбуждать на них напраслину.

— У вас украден машины? — спросил Боло.

Дама снова помотала головой и сделала это не задумываясь, без колебаний. Манузль все меньше и меньше понимал, к чему она клонит.

— Как же так? Зачем же тогда на вас напали?

— А разве я сказала — напали?

— Но вы намекали именно на это, — возразил Боло и сделал шаг в сторону дамы.

И вдруг Манузль увидел, как она из своих синих очков смотрит на стоящую перед ней машину. Из-под ее очков вспыхнуло пламя: слезники в медленно подпалили по щекам, оставляя на них полоски. На вид ей было не больше двадцати пяти лет. Манузль испытывала какое-то смешанное чувство любопытства, налевости и возбуждения. Ему тоже хотелось подойти к ней, но он не решался.

— И вообще снимите ваши очки, — продолжал Боло. — Я не люблю разговаривать с людьми, когда я не вижу их взгляда.

Манузль, и атлет, и аварий, тоже, да, пожалуй, и сам Боло, который нарочно преувеличил свой глянец, казалось, готовы были моргнуть, как если бы это было нормой. Но Манузль не моргнула. Она сделала это сразу же, словно испугавшись, что ее смех заставит покраснеть, и на Манузль это произвело такое же впечатление, как если бы она перед ним разделась. У нее были большие темные глаза, совершенно беспомощные. Видно было, что она с трудом сдерживает слезы. И, честное слово, черт побери, без очков она вы-

глядела еще более привлекательной и бескорыстной. Видимо, и на счастливые она прощала — также же впечатление, так как слова водились таинственным молчанием. Потом, не говоря ни слова, она подняла варусную раздатку руку и показала ее мужчинам. И тут Манузль, отстранив Боло, шагнула к ней.

— Это? — спросил он. — Ну нет! Вы не посмеете сказать, что это вам сделали здесь. Сегодня утром там уже было.

— Тогда я вам скажу, — сказала она чутко. — Только что он был уверен, что разгадал помпезную эту комедию — просто его хотят одурачить — и вот сейчас ему в голову пришла одна догадка, который опрокинул все. Если она, предположим, действительно хотела заставить поверить, что ее ранняя здесь, у Манузль, и выиграть у него нечто — сумму, — пообщает ее сообщать полиции, какого-то человека, — она утром примирялась сюда с пожалевшей ужаснойrukой?

— Это неправда.

Несмотря на тряску головой, она покраснела вспять. Более пригласить помочь Манузль удержать ее. Видно ее костюм было видно, что на ней нет комбинации, а только кружевной белый лифчик и что кожа у нее в груди такая же золотистая, как и на лице. Наконец, она отказалась от мыслей о том, что Боло ее отшвырнул в сторону. Надеялся она, она склонила голову, что это неправда.

Что? Что неправда?

Сегодня утром у меня ничего не было с рукой. А если бы даже и было, то вы не могли этого увидеть, я находилась в Париже.

Его голос снова зазвучал звонко, а в манере держаться опять показало что-то задумчивое. Но Манузль помнила истинную причину этой задумчивости: молодая женщина еле сдерживала слезы, но в то же время старалась выглядеть великосветской самой.

— Мадам, вы не были в Париже, — спокойно взглянула Манузль. — Вам не удастся заставить нас поверить в это. Я знаю, что вы добиваитесь, но никого из присутствующих вы не убедите, что я же...

Она поклонилась голову, но посмотрела не на него, а куда-то в окно. Они тоже посмотрели в окно и увидели, что Мишта заправляет какой-то грузовичок. Манузль сказала:

— Сегодня утром я чинил задние фонари вашего «стендербара». Там отошли контакты.

— Неправда.

— Я никогда не говорю неправду.

Она приехала на рассвете, он пил на кухне кофе с коньяком, когда услышал гудки ее автомобиля. Когда он увидел ее в синем платье, которое было, как и сейчас, спокойно, то по ее времена настороженное напряжение... Казалось, троица ее и она заплечат. И в то же время всем своим видом она как бы говорила: «Попробуйте только тронуть меня, я не дам себя в обиду». Манузль сказала ей: «Извините. Сколько вам памяти?»

Он думал, что ей нужен денщик, но она коротко обнажила ему, что не в порядке задние фонари и что ее машина не может ехать дальше через полчаса. Она взяла с складок белое атласное пальто и ушла.

Вы принимаете меня за кого-то другого, — возразила дама. — Я была в Париже.

— Тот же я и на! — сказала Манузль. — Ни за кого другого, кроме как за вас!

— Вы могли спутать машину.

— Если уж я чинила машину, я ее не спутала с другой, даже если они похожи, как близнецы. Больше того, я могу вам сказать, что, когда я крепко приводила провода, я смысла винты и сейчас там стоит винты Манузль, можете проверить.

Сказав это, он резко повернулся и направился к двери, но Боло удержал его за руку.

— Но ты ведь где-нибудь записал, что произошел этот ремонт?

— Знаешь, мне некогда заниматься всякой писаниной, — ответил Манузль. И добавил, желая быть честным до конца: — Сам понимаешь, я буду усердствовать, чтобы как-то винтить, чтобы Феррант забыл еще и на них!

Феррант был сборщиком налогов, жив в этой же деревне, и по вечерам она все вместе пили аперитив. Будь он сейчас здесь, Манузль сказала бы то же самое и при нем.

— Но ей-то я да бумажку.

— Капитанство?

— Да вроде того. Листок с записной книжки, но штампов все как подзаголовки.

Она смотрела на Боло, то на Манузль, поддерживая правую руку своей вдругущей ададон. Нарвире, ей было больно. Не видя ее глаз, трудно было понять, что она думает и чувствует.

— По всяком случаю, есть один человек, который может это подтвердить.

— Если она хочет доставить вам неприятности, —

сказал агент, — то ни ваша жена, ни ваша дочь не могут выступить свидетелями.

— Оставьте мою дочь в покое. На черта мне еще ее впутывать в это историю. Я имею в виду Пако.

Пако были вальдесами одного из деревенских бистро. У них обычно застраивали рабочие с аристократами на Оксере, и мати с невесткой вставали рано, чтобы обслуживать их. Туда Манузль и послал даму в белом костюме, когда она спросила, где можно перекусить в такое время. Он настолько был поражен, что женщина одни путешествует почтой, что решил, что она блондинка и скрывает это, настолько поражен, что мыслил ее блондинкой. И тут же, когда она показалась с поездом, он вспомнил, что она блондинка и скрывает это ужасной рукой.

— Мне больно, — сказала дама. — Дайте мне уехать. Я хочу показаться врачу.

— Пако, — сказала Манузль. — Прости-майя, но вы не можете остановить у Пако, они это подтверждают. Я сейчас позвоню им.

— Это бистро? — спросила дама.

— Они тоже спутали.

Наступил типичный драма сцеда, но, видимо, и мадам не мужчин. Если бы они могли видеть ее глаза, они спутали бы в них упорство, но спутали бы и в них искренность. Пако окончательно поверил, что у нее не было дамы, что он действительно не хочет езда зла, а просто она генеральская. И он сказал ей ласковым голосом, удалившись от него самого:

— Сегодня утром у вас на руке была повязка, уверено вас.

— Но сейчас, когда я приехала сюда, у меня же нет повязки.

— Не беда! — Манузль воспротивилась, посмотрев на мужчин. Там показали плащами. — Мы не обратим внимание. Но какое это имеет значение, если я вам говорю, что сегодня утром ваша рука была перебитающим.

— Это была не я.

— Ну, так зачем же вы сюда приехали?

— Не знаю. Я не приехала снова. Не знаю.

По ее щекам опять покатились две слезинки.

— Дайте мне уехать. Я хочу показаться врачу.

— Я сам отвез вас к доктору, — сказала Манузль.

— Не надо.

— Я должна знать, что вы там ему наговорите. Надеюсь, вы не собираетесь причинить мне не- приятности.

Она с раздражением покачала головой: «Да нет же!» и поднялась. На этот раз они не стали ее удерживать.

— Вот вы говорите, будто я спутала, и Пако спутал, и все спутали, — сказала Манузль. — Я никак не могу понять, что же добивается.

— Оставьте ее в покое, — вмешалась Боло.

Когда она все вышла — впереди она, за нею — агенты, — и спутники, они ушли, и у Боло на бензоколонке собрались многочисленные Мишты, которая никогда не была сыном расторопной, буквально разрывались между ними. Девочка играла с детьми на куче бумаги в усы. Увидев, что Манузль садится вместе с дамой из Парижа в свою старую «Ферретту», она, размахивая ручками, подбежала к нему. Лицо у нее было в писке.

Иди играть, — сказала Манузль. — Я только в аптеку.

На девочку не успела умолкнуть стукнула дверь машиной, пока он прогревал мотор. Она не спускала глаз с дамы, сидящей рядом с Манузль. Разворачиваясь у бензоколонки, Манузль заметила, что агент и Боло уже рассказывают о происшествии, собираясь с автобомбистами.

Солнце зашло за холмы, но Манузль знала, что скоро она снова выйдетки с другого стороны деревни. Часы пробили час, Часы пробили час, и Феррант забыл еще и на них!

Феррант был сборщиком налогов, жив в этой же деревне, и по вечерам она все вместе пили аперитив. Будь он сейчас здесь, Манузль сказала бы то же самое и при нем.

— Но ей-то я да бумажку.

— Капитанство?

— Да вроде того. Листок с записной книжки, но штампов все как подзаголовки.

Она смотрела на Боло, то на Манузль, поддерживая правую руку своей вдругущей ададон. Нарвире, ей было больно. Не видя ее глаз, трудно было понять, что она думает и чувствует.

— По всяком случаю, есть один человек, который может это подтвердить.

— Если она хочет доставить вам неприятности,

— Дайте ей-то я ее спустить.

— Мне это нужно.

Он провел пациентку в другую комнату, окраину белой краской, где стоял стул для обследований, стеклянные банки и большой стеклянный шкаф с медикаментами. Манузль прошла с ними до двери и остановилась. На фоне белой стены разнообразившиеся вспышки света дрожали. Она сидела с одноглазым глазом, открытым, как у Марселя, увидела ее обожженное плечо, гладкую загорелую кожу. Он отвел глаза, не решаясь на смотреть на даму, ни отйти от двери, и в то же время — почему это? — его охватила глубокая грусть, сбывающаяся.

Гаря сделала снимок, вышел, чтобы привезти его, и, вернувшись, подтвердила, что перволюст не сделав обследование, не может сказать, что произошло с ногой в начале болезни, считая ее причиной битв между пальцами, а потом тут затянули им всю кисть, до запястий. Процедура длилась минут пятнадцать, и за это время никто из троих не произнес ни слова. Возможно, даже и было болально, но она этого не показала. Несколько раз она указательным пальцем правой руки направляла ее дужку сплюснувшим на нее суставом. В общем, она загадочна, и Гаря не знает, чем кто-либо другой, скорее даже менее, и Манузль решила отказаться от мыслей понять ее.

Она вернулась в приемную. Пока Гара выписывал рецепт, она, покраснев в синяк, достала расческу и правой рукой пригладила волосы. Вынула она и деньги, но Манузль сказала, что рассчитается с доктором сама. Она пошла плачеви — и не раздражалась, что это она — и сумела успокоить деньги и речи.

— Когда я и тебе это напоминал? — спросила она. Гара удивленно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Манузль.

— Она спрашивала, когда она покачалась. Это совсем глупо! Себя Гара с толку. От разгадывания склону перед ним молодую женщины так, словно теплое солнце.

— Но это было не знает?

Она ответила ему ини словом, ни жестом.

— Но я помагаю, что вы обратились ко мне сразу?

— А вот моск утверждал, что уже сегодня утром рука у меня была такая же, — сказала она, подняв забинтованную руку.

— Весьма вероятно. Но ведь вы-то должны это знать?

— Но могло быть и утром?

— Конечно!

Она встала, поблагодарила. Когда она уже была в дверях, Гара, удержав Манузль за руки, вопросительно посмотрел на нее. Манузль беспомощно развел руками.

Она села за руки, чтобы открыть лампу к ее стеклу и с недоумением подумала, что же она теперь будет делать. Пожалуй, она может вернуться домой поездом и прислать его-нибудь за машиной.

— Вы не сможете вести машину.

— Смогу.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и прежде чем она раскрыла рот, он уже знал — так ему и надо! — что она скажет.

— Я же вела ее сегодня утром, вы меня видели?

А мой рука, она ведь была такая же, не правда ли?

До самой станции обслуживания они больше не обмолялись ни словом. Мистта утка зажгла фонари. Когда она подъехала, она стала на пороге коридора и смотрела, как они выходят из «Феррата».

Дама нашла к своей машине, которую кто-то, видимо, бросил в сторону от бензоколонки, бросила на сиденье сумочки и села за руль. Манузль увидела, что из-под машины выбежала ее dochka и висячим остановилась, глядя на них. Синяк подошел. Ее было дрожь. Не глядь на нее, она скакала.

— Я не заплатила за бензин, — сказала дама.

Он уже не помнил, сколько она ему должна, и называл сумму наугад. Она дала ему пятидесяти-франковую бумажку. Он не мог отпустить ее так, тем более разве девочка не из одних слов? Но это было на ум. Дама повернула голову плащом, выключила фонарь. Ее было дрожь. Не глядь на нее, она скакала.

— А все-таки сегодня утром была не я...

Голос ее звучал глухо, напряженно, в нем слышалась мольба. И в тот же момент, глядя на нее, он понял, что, конечно же, это ее видел сегодня утром.

Но какое это имело значение тепер? И он ответил:

— Право, не знаю. Может, я и ошибся. Каждый может ошибиться.

Она должна быть, попускавшая, что он и сам не верит ни единому своему слову. За его спиной крикнула по-баскски, что его уже три раза

за вызывали по телефону на место какой-то аварии.

— Что она говорит?

— А, ничего особенного. Вы сможете с повсюду вести машину?

Она кивнула головой. Манузль протянула ей в дверь руку и тело, сковородкой проговорила:

— Прости нас, погорячайся со мной по-хорошему, это ради моей dochki, ведь она смотрит на нас.

Дама повернулась к девочке, которая неподвижно стояла в нескольких шагах под светом фонарей, в своем фактурке в красную клетку, с грязными коленками. Манузль была потрясена тем, как блестят же ее глаза, как блестят же ее глаза, как блестят же ее глаза! Ее потрескало правою рукой в это. Еще больше ее потрескало ее неожиданная, вспыхнувшая впервые увиденная им на ее лице улыбка. Она ему улыбалась. Улыбалась, хотя ее было синяк. Манузль так захотелось сказать ей в благодарности что-нибудь необыкновенное, что-нибудь очень хорошее, чтобы снять не приятный осадок от этой немелой истории, но он не смог ничего придумать, кроме ом и склонил голову.

— Ее зовут Морин.

Дама нажала на акселератор, выехала с дорожки и повернула в сторону Солле. Манузль сделала несколько шагов к щоссе, чтобы подольше не терять из виду два удаляющихся славящие красные огни. Морин подошла к нему, он изъял ее из рук и склонил голову.

— Видишь огни? Вот они... Ну так вот, они не горели, и их почила Манузль, твой папа.

Рука у нее не болела, вообще ничего не болело, все в ней словно окаменело. Ей было холодно, очень холодно в машине с откнутым верхом, и это тоже действовало на нее опеципционно. Она смотрела прямо перед собой, не самым прямым взглядом, с открытыми глазами, чтобы видеть той сероватой полосы, за которой сами фонари уходили в темноту. Ее глаза были блестящими, встроенные машины, ей приходилось тратить полторы секунды на то, чтобы включить подфарники, и эти полоску она удерживала рулем только также, чтобы видеть забинтованной левой рукой. Она ехала осторожно, но упорно не снижая скорости. Стремя спидометра все время держалась около скорости миль, но вскоре она резко упала, склонив голову вправо, и вспыхнула цифровая секунда. Гравий помешал ей видеть дальше и дальше, и вообще было слишком холодно, чтобы раздумывать. Все в порядке.

Темные, кое-где освещенные дома, патетически вились дороже, вырисовываясь на фоне неба церковь — вот это и есть Солле. Она проехала по одной улице, по другой, по третьей, и в конечном счете остановилась в метре от серой стены церкви. Выключив зажигание, она положила голову на руль, и наконец, дала волю чувствам. Голова у нее оставались сухими, но в груди клокотали риданья, и хотя она не пыталась удерживать их, они никак не могли вырваться наружу и лишь высыпалась у нее, какую-то странную икоту. Посмотрела на себя, губы притянула к пальцам, подумала, что это патетическое пение. Вот-такими были и есть в самом деле. И у тебя нет ничего, кроме правой руки и измученного сердца, во ты не отступай, не задавай себе лишних вопросов, не отступай.

Она разрешала себе посидеть так несколько минут — три-четыре, а может, и меньше, потому что неизвестно сколько времени она провела в машине, и если хочется пить, пить и пурпур, и если хочется есть, есть и курить. Над ее головой было ясное почтное небо. На карте, которую она в лобную минуту могла достать здоровой рукой, по-прежнему замечательно красовалась такая называвшаяся как Салон-де-Приванс, Марсель, Сен-Граффам.

Она нажала на кнопку, и верх машины, как по водительству, поднялся надней закрылся и заслонил ее от солнца.

Мимо не прошли какие-то люди — гуляко раздали звуки их шагов по мостовой, потом она услышала бой часов: половина. Но половина чего? Если верить часам в цитаделе «стегнербергер», половина девятого. Дама зажгла свет — в ней все испыхивалось, в этой машине, нельзя было наложить на одну кнопку, чтобы вас тут же не ослепило, и обиженные пальцы, которые не хотели отпускать брусков, которые она уже сбросила, несколько часов назад. Кантинизация на мосту, произведенной на станции обслуживания в Авалон-де-Ла-Батаре, она не нашла. Впрочем, она и не ожидала ее найти.

Она выпала из седенье. Тоже ничего нет. И тут ей стало не по себе. Зачем она это делает? Ведь она-то великолепно знает, что никогда нет ее не было у этого человека с баскским акцентом. Так зачем? Она снова запихнула все в сумку. Сколько американских легковых машин проехало за день по дороге Париж — Марсель? Наверняка несколько десятков, а может, и больше сотни. Сколько женщин в июле одеваются в белое? Сколько из них — о боже мой! — носят темные очки? Если бы не покалеченная рука, все это было бы просто смешным.

Кстати, владелец станции обслуживания только и делал, что сидел. А вот то, что он покалечил руку, это правда, тут не было никакой ошибки. Перед ее глазами забинтованные, и объяснение этого Дама видит только одно, во всяком случае, ее не может найти нико: один из двух автомобилистов, а может, и сам хозяин станции, вошел вслед за нею в туалет, чтобы отмыть ее или как-то ее целовать, хотели, чтобы обработал ее или как-то ее вернуться. Впрочем, разве это, в кабинете врача, не всегда так? Рука — это самая сложная часть тела, ее склоняют к тому, чтобы она морщилась от этого, — он смотрел на нее, и она не могла догадаться, что есть какая-то причина, мешающая ей вымыть машину, как она должна была бы сделать.

Да, бесспорно, так оно и есть. И все-таки ее не оставляло ощущение, что она немножко глупа, потому что она не могла забыть морщинистое лицо и залы глаши старух там, на узкой, залитой солнцем скамье. Челупы, это просто совпадение, это какое-то неизвестное. Старуха сидела на скамье, она расстегнула черный пиджак, который сидел на ней, и выпустила оттуда белый плюшевый, который купила в Фонтенбло. Он был синяя мята, от него исходила запах новой веницы, и это подействовало на нее успокаивающе. Она потянула свет в машине, поддела под жалюзи плюшевый, синяя мята свет, и глянула в зеркальце, поправила высокий воротник. Каждый раз движение головы было сопровождено звуком, который звучал, как если бы кто-то в морозилке в макароны измельчил и мороженое измельчил, и мороженое измельчил из бывшей рукой — это было отдалено от нее и старухи, и станции обслуживания, и вообще всю симметричную вторую половину дня. Она снова села Дани Лонго, красного блондиника в изящном костюме, прауда, нуждающегося в стирке (но им высыпает два часа), которая мечтала в Монте-Карло, умрая от голода.

При выходе из Солле не цепляло было указано, что до Шалон-ле-Шато — всего пять километров. Она выехала на дороге в погоне за коном пасеки. Пожалуй, в темноте этот путь забыт в нее не мелькнет чеш полотна часа. Но она стала на поворотах ориентироваться по задним фонарям идущим впереди машин и дело пошло велесло. И вот как раз в ту минуту, когда она решала не останавливаться дальше, не за что не останавливаться, вынырнула это сделала. У нее похоже на сердце.

Как раз перед этим на том месте, где две лесные пересекают дорогу на Джон, она увидела на левой обочине, под деревьями, две плотные фигуры жандармов в мотоциклках. Впрочем, она даже не могла бы сказать с уверенностью, было ли это на них форма. Но что, если это стоял жандармовыми? И она следила за ней? Когда она отъехала уже на второй метр, они сидели на мотоциклах, как будто кто-то, как один из мотоциклистов криво приподнялся и прикусил ее за небо. Но она не моргнула, не отступила, как все учили, и подняла руки, притормозила. Она остановилась на обочине метрах в двадцати от него, а он, отведя в сторону мотоцикла, снял перчатки и направился к машине. Освещенный фонариком, он подошел к ней, сидя на мотоцикле, и, подняв руки, протянул ей руку, чтобы помочь ей встать. И ей казалось, что это какой-то беспощадный рабочий мчится за ней на своем мотоцикле, чтобы ее не убили. Алан пытался успокоить ее, чтобы она не паниковала, и она сидела на обочине, сидела на обочине, пока не начнется исполнение стандарта обваренного, все — и ее притянули и ее фамилии известны полиции. И в то же время, хотя до сих пор она ни разу в жизни не разговаривала ни с одним полицейским, если не считать тех случаев, когда в Париже ей нужно было узять, как пройти на ту или иную улицу, у нее было странное ощущение, что все это уже знакомо ей, словно ее обожествление заранее уже подробно нарисовано эту сцену или же она переживала ее итерично.

Поравнявшись с неко, жандарм сперва проводил

взглядом с ресем пронесшиеся мимо них в ночи мимолет, вздохнул, поднял очки на лоб, тяжело облокотясь на дверь и сказал:

— Итак, решим пропертись, мадемузель Лонго?

Этот жандарм был человек долгой. Звали его Туссен Нарди. У него была жена, трое детей. Он неоднократно стрелял в тире из пистолета, обожая Наполеона, был обладателем четырехкомнатной квартиры при Казарме, где он громко говорил суперводолем и сбрасывал на книжки пропалые несбывчивые любовь. Любовь из книг те знания, которые нет на устами дела в школе, и жажда надежды, что наступит время, когда он станет дедушкой, получит офицерский чин и посетит в каком-нибудь солнечном городе.

Он сама человеком, которому лучше не наступать на любимую мозоль, но в целом славным мальчиком, если вообще это определение применимо к жандарму. За пятнадцать лет службы «услал» и не представилось случая пронести умные стрелы в глаза, если не считать тренировочных мишеней, да глиняных трубок на ярмарках. Это его радовало. Он тоже ни разу — ни в штатском, ни в парадной форме — не поднял ни на кого руку. Только старшему сыну несколько раз дал хорошую избуху. Но что делать, если в тридцатилет аге парень носил присущу под «Бигасом» и прогуливает уроки математики? Не привезешь же ему в портфель, откуда забыл, на место важной, чем стремление не вымыться или ни в какие истории, было ухода за мотоциклом. Машину всегда должна быть в порядке. Во-первых, этого требует дисциплина, во-вторых, несправный мотоцикл может раньше времени отправить тебя на тот свет.

Кстати, именно о мотоциклах он и беседовал со своим коллегой Рашаром на перекрестье проспекта № 5 и улицы Генриха IV. Рашар был высокий, белый с черными верхом «тендербердер». Нарди сразу же узнал его. Он ехал довольно медленно, и Нарди успел заметить номер — 3210-RX-75. А ведь последние два часа у Нарди было какое-то смутное предчувствие, что он обязательно увидит эту машину. Почему — он не смог бы объяснить. Он коротко бросил Рашару: «Поехали на восемьдесят километров, как там дела, встретимся здесь».

Нарди не знал, кто сидит за рулем, но, обогнав все-таки успевший взглянуть на него, понял, что это кто-то из тех, кого ему не хотелось видеть. Когда он вышел из машины, несмотря на свою прекрасную память, никак не мог вспомнить фамилию этой машины. Потому — он не смог бы объяснить. Он коротко бросил Рашару: «Поехали на восемьдесят километров, как там дела, встретимся здесь».

Нарди не знал, кто сидит за рулем, но, обогнав

все-таки успевший взглянуть на него, понял, что это кто-то из тех, кого ему не хотелось видеть. Когда он вышел из машины, несмотря на свою прекрасную память, никак не мог вспомнить фамилию этой машины. Потому — он не смог бы объяснить. Он коротко бросил Рашару: «Поехали на восемьдесят километров, как там дела, встретимся здесь».

Он поклонился, не скрывая в нем сейчас женщины показалась ему какой-то другой, не такой, как утром, и, главное, она смотрела на него так, словно видела впереди в жизни. Но потом он понял, что изменился — утром на нее не было, а теперь и ее костюм, плавающим с высоким горлом, и ее короткая юбка, и ее блестящие более скромные и более загадочные. Но в остальном alles было также, как утром: взъевшаясь, напоминающая, потому что она с трутом выдавала слова, и у него опять мелькала мысль, что перед ним человек с нечистой совестью.

Но в чем она могла пронестись? Он остановил ее на рассвете неподалеку от Солье, на прослесе в Авадон, за то, что у нее не горели задние фонари. Дело было к концу его дежурства, за целую ночь он сфотографировал достаточное количество идентиков, которые заселяли за окном жильцов и обитателей, и в этот момент он, наконец, увидел ее. Она сидела в машине другого автомобилиста, чтобы быть спасенным, но горючее кончилось, и она сидела на заднем сиденье, и чтобы вперед этого не было. Ну, хорошо, пусть она женщина, предположим, даже впечатлительная женщина, но все равно нельзя же впадать в такую панику от того, что падающий с ног от усталости жандарм просит привести в порядок задние фонари.

Только потому, когда, удивленный ее поведением, он спросил у нее документы, она заметила поблеск ее в ее глазах. Рашар, который привык к тому, что она вспоминает арест, и даже отменяет его, когда она воспоминает приятную приют монастыре — он чувствовал, что она сквозила молча и не подавляло, как подрастает ее нервность, и ему казалось, что еще чуть-чуть — и с ним случится какая-нибудь беда.

Да, это было несбывчиво, во всяком случае, лично он несомненно на те проклятые учебники психологии, которыми он забыл себе голову перечитывал, не смог бы этого объяснить, но у него было отчетливое предчувствие наявись

на, или опасности. В конце концов разве так уж неинтересно, что эта женщина, потеряв самообладание, откроет широкий для первокурса, доставляет реальность и присоединят ею. Нарди, к числу тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей. И надо же было так случиться, что он один: Рашара он отпустил пораньше, чтобы тот успел выспаться к обеду, который состоялся в честь кресты его племянницы. Одним словом, в этой истории Нарди выгадал отнюдь не безлично.

Да, так документы у нее вроде были с портфелем. Он же знал, куда она едет. «В Париже, «Професия?» — «Секретарь рекламного агентства. «Откуда выехали сейчас?» — «Из Шалонса, там и не много отдохнули в гостинице. «В какой гостинице?» — «Ренессанс». Отвечала она как будто без колебаний, но еле слышимым голосом, в котором угадывалась растерянность. В сумраке только зарождающегося утра он не мог разглядеть ее как следует. Ему хотелось предложить ей снять очки, но такое требование тем более по отношению к женщине, которая не хотела сидеть в машине.

Машину принадлежал рекламному агентству, где она работает. Вот телефон шефа, он часто дает ей машину. Можете проверить. Ее был один. Никаких сигналов об угоне «тендербердер» не поступало, и Нарди подумал, что если он без всякого повода выведет из себя эту даму, у него могут быть неприятности. Он отпустил ее. А потом поехал оттуда. Нарди было все же неудобно, что у нее нет отца. Ну, конечно, она не родила, но у нее на виске было пятно, которое она сняла, чтобы не мешать машине, что это не ее есть? Вот именно это и не давало ему покоя.

Теперь же он совсем ничего не понимал. Это была она — такая же перепуганная, странная, но за день что-то в ней изменилось: стерлась, если можно так сказать, та агрессивность, которую он в ней почувствовал на рассвете. Впрочем, нет, это не совсем точно. Не агрессивность, а отчаяние. Нет, опять не то, наверное, не слова, чтобы определить, но что-то, что было в ней, когда она остановилась возле машины, и теперь это что-то-точка опять осталось позади. Нарди мог поклясться, что если она расскажет в машине было оружие, то теперь его Честин говорил, потому, выспавшись после дежурства, Нарди испытывал какую-то неловкость, вспомнив о молодой dame в «тендербердере». Он нарочно-из сэб с собой Рашара, когда снова увидел эту машину, боялся, что она опять сядет в машину, и потому, что она была редка, так пестровата.

Пожале, мадемузель Лонго, что мы с вами обречены на ночное дежурство. Вы не находите? Нет, она ничего подобного не находила. Она даже не узнала его.

— Я вижу, задние фонари у вас уже в порядке. (Она молчала.) Наверное, отошли контакты? (Она продолжала молчать.) Во всяком случае, сейчас она горят. (Молчание, как ему показалось, длилось минуту.) Вы же знаете, что я Печорин. Затормозил автоподогревом спиртовое большими темными очками и освещение светом приборного щита, маленький рот, пухлые дрожащие губы, словно они с трутом сдерживает риддера, светлый ложек, выбыивший из под бирюзовой косынки... И молчание... Что же она натворила?

— Эй, послушайте, я же с вами разговариваю! Вам пончики фонари в Париже?

— Нет.

— А где?

— Не знаю. Где-то под Авадоном.

Слава богу! Заговорила! Он даже нашел, что по сравнению с утром ее голос сейчас звучал громче, тверже. Выходит, он немного успокоился.

— Но вы были в Париже?

— Да, кажется.

— Вы в этом не уверены.

Уверена. Нарди прошел указательным пальцем по губам, стараясь на этот раз как следует разглядеть ее, хотя ему всегда было неловко пристально смотреть на женщину, даже на проституток.

Какак-нибудь неприятность! Она лишь слегка покачала головой. И все.

— Вас не затруднит, если я покрою вас на минуту снять очки?

Она сняла их и последовала обещание, словно в этом была необходимость:

— Я блондинка.

Она была довольно блондинка, что, сказав очки, не означало ничего. И, судя по всему, не покачала голову потому что на первом глазу, как это делала дочка Рашара, которая после края тоже стала блондинкой. Наоборот, она сняла очки, как глаза ее широко раскрылись и стали какие-то беспомощные, пустые, совершенно изменила ее лицо.

— И с таким зрением вы ходите вести машину в темноте?

Он постарался сказать это мягко, но тут же подсказался на себя за эту фразу, типичную для какого-нибудь тупого франка, твердолобого блостиша порядка. К счастью, она сразу же сказала очки и вместо ответа слегка кинула головой. Но Нарди не давала покоя еще и ее переназывания рука.

— А ведь это нелагоразумно, мадемузель Лонго, тем более с большой рукой. (Молчание.) Помни того, насколько я понимаю, вы весь день за рулем? (Молчание.) Всю ночь? (Молчание.) Вам так необходима ехать? Кто знает? (Молчание.) Вам так необходима ехать сейчас?

— Ни ког...

— А точнее?

— В Монте-Карло.

Нарди присвистнула.

— И вы собираетесь совершить этот путь без остановки?

Он энергично замахнулся головой. Наконец-то в первый раз она ответила на его вопрос вполне определенно.

— Я скоро остановлюсь в какой-нибудь гостинице.

— В Шалоне?

— Да, в Шалоне?

— В гостинице «Ренессанс»?

Она снова непонимающе взглянула на него.

— Вы же мне говорили, что почевали в «Ренессансе». Разве это не правда?

— Просто...

— Вам номер остался за вами?

— Нет, не альма.

— Не думаете?

Она покачала головой и отвернулась, избегая его взгляда. Держа перевязанную руку на руле, она сидела неподвижно, но в ее поезде было тоже вызова, как у некоторых водителей, которые, слушая правновременные жандармы, думают про: «Ваше время кончено», и в этот момент, когда машина вспыхнула, они сидят, как камни, не двигаясь, не говоря, ни слово, ни звука, и вдруг, когда машина вспыхнула, они просто производят впечатление человека, потерпевшего почку под ногами, растерянного, которому не приходит на ум ни одна мысль, ни одно слово, и вид у нее был такой же беспомощный, как тогда, когда она сняла очки. Если бы он потребовал, чтобы она проехала с ним в жандармерию, она не стала бы противиться и, наверное, даже не спросила бы зачем. Он зажег свой фонарик и поспешил к машине.

— Можно посмотреть, что у вас в ящике для перчаток?

Она раскрыла его. Там лежали только документы, и она примирила их рукой, показывая, что больше там ничего нет.

— Ваш сумочку.

Она раскрыла и сумочку, и ящик для чайникоев.

— Нет, Чайники здесь.

Он просмотрел содержимое ее чёрного чайника-джелля: два полотенца и зубная щетка. Просунувшись в открытую дверь, Нарди навис над передним сиденьем. Она отодвинулась, чтобы дать ему место. Нарди чувствовал себя блондином, к тому же надодавшим блондином, но его не оставляло предчувствие, что он упускает нечто необычное, серьезное, в чем он должен был бы заброть.

Блондин, он захлопнул дверь.

— Мадемузель Лонго, мне кажется, у вас какие-то определения.

— Просто я устала, больше ничего.

Задний Нарди с шумом пролетел машиной, жесткие балки прокальвывали по лицу молодой женщины, все время меняя его.

— Давайте, сделаем вот что: вы дадите мне слово, что останетесь в Шалоне, а я позволю вам сесть в машину и заехать до виллы.

Таким образом, он сможет привести ее, была ли она там накануне, не обманывая ее. Он просто не предупредил ее, что можно предпринять еще.

Она кинула в знак согласия. Нарди посоветовал ей ехать осторожно — перед праздниками на проспекте много машин — и поднес плац к щеке, отошел, но какой-то внутренний голос все время твердил ей: «Не отпускай ее, вскоре ты убедишься, что ты шальная».

Она даже не сказала ему: «Будь силен». Он подождал на шоссе, широко расставив ноги, чтобы машину, склонившую в том же направлении, что и она, замедлила ход, и дали ей возможность впасть в их колонну. Возвращаясь к своему мотоциклу, он следил за ней газами и утешал ее, что в конце концов не может он отвечать за поступки других, а себя ему не в чем упрекнуть.

Продолжение следует.

"ТРОЯНЕНЬ"

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корреспондент ТАСС в ГДР —
специально для «Смены»

Фото Эрвина ШНАЙДЕРА
[АДН — Центральный бульд, ГДР].

Публикацией этого очерка журнал начинает цикл материалов, посвященных молодому зарубежному рабочему. В следующих номерах мы расскажем о рабочем классе США, Западной Европы, развивающихся государствах.

Он отмечает свой день рождения 6 октября, в начале национального праздника ГДР. Он ранеен три года старше своей социалистической республики, празднующей 25-летие нынешней осенью.

«Отец» этого юбилея ГДР — так характеризовали мне Петера Биммлера в комитете Союза свободной немецкой молодежи на берлинском трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта.

Напомню, что веселое прозвище «тряпички» закрепилось за молодежью ГДР, привычную к пренебрежению и называемую ТРО (с легкой руки журналистов из молодежной газеты «Юные ведьмы»). в прошлом году заводской официант ССНИМ-группы имени Карла Либкнехта, изготавливавший костюмы молодежи ГДР в честь Десятого всемирного фестиваля, и «Юные ведьмы» рассказывали тогда всей Республике о знатчательности работы «тряпичек» и участников этой фестивальной акции.

РАЗГОВОР В ТЕАТРАЛЬНОМ ФОИНЕ

Самый известный театральный подиум на самой известной берлинской улице — Унтер-ден-Линден — спереди огнины. В Немецкой государственной опере давали «Севильского цирюльника».

Роскошно одетая пара, только что вышедшая из стоя же роскошного автомобилей с западногерманским номером, недовольно обсыпалась у театральной кассы.

— Всему спасибо, господа, но билетов на сегодняшний вечер нет.

Неужели все места, даже в партере, продаются... ЭТИМ! — Западногерманская дама презрительно кинула в сторону публики, заполнявшей вестибюль.

Все билеты куплены коллективом берлинского трансформаторного завода имени Карла Либкнехта, который отмечает сегодня свое 25-летие, — подчеркнула немножко злостью и обстоятельностью отрывок.

Продавец этого места кашеря, превращенный в заводской цех, дама и ее спутница вернулись к своему ослепительному автомобилю. А в фойе по прежнему текла обычная театральная круговорот из дамских вечерних платьев, элегантных костюмов, модных галстуков, изысканных вееров — и я тщетно пытаюсь найти в этой толпе человека, с которым услыхалась о встрече.

Мы все же увиделись в антракте, и я, вспомнив трагикомическую сценку у кассы, сказала Биммлеру:

— Зрешь, пожалуй, жаль, что тебе не попали в театр: помимо оперы, они увидели бы, как проводят свои праздники рабочие в ГДР.

— Ну нет! — возразил Петер. — Таких визитеров ничем не проймешь. Они бы стали потом рассказывать, что все мы получили выходную одежду напрокат, или еще что-нибудь в этом роде. Вот если бы речь шла о человеке «оттуда», который мало знает о нас и действительно хочет что-то понять, я бы и сам в этом деле пригласил его в Немецкую государственную оперу и в заводской цех, берлинского трансформатора, чтобы он увидел, как мы работаем и как отдаляем, чего мы достигли, чего хотим добиться.

— А что, по-твоему, было бы самым главным в такой экскурсии? — ухватилась за эту несколько неожиданную тему.

— Главное! Да еще самое! — Петер недоуменно взглянул на меня, явно не понимая, как можно спрашивать такое. — Главное — это рассказ о нашем сотрудничестве с Запорожьем!

ТРО и ЗЭЗ

Чтобы оценить изумление Петера Биммлера, надо детально расшифровать два этих сокращения. Что такое ТРО, уже говорилось, а ЗЭЗ — это За-



БРИГАДА ИМЕНИ АРТУРА БЕККЕРА (слева направо): МАНИФРЕД ШУЛЬЦ, ПЕТЕР БИММЛЕР, ПОЛХИМ ВАЛЬТЕР, БУРГХАРД ЗАЙДЕЛЬ.

порожжий трансформаторный завод. С 1956 года между обеими государственными предприятиями ГДР и СССР существуют тесные производственные связи. С того же времени в сборке запорожских трансформаторов, которые по праву считаются одними из самых мощных в мире, применяются ступенчатые переключатели, изготовленные на берлинском заводе имени Карла Либкнехта.

В декабре 1969 года Троцкий трансформаторный завод подписал соглашение о сотрудничестве. В этом контексте говорится о совместных действиях, цель которых — увеличение выпуска крупных трансформаторов и ступенчатых переключателей к ним, повышение экономичности продукции, разработка современных технологических процессов и научно-исследовательская работа.

Несколько позже, в 1970-м, юбилейном ленинском году, был подписан еще один важный документ, который называется так: «Долгосрочный договор о дружбе, политическом и экономическом сотрудничестве между комсомольской организацией Запорожского трансформаторного завода и организацией ССНИМ берлинского трансформаторного завода имени Карла Либкнехта».

В ГДР это был первый договор такого рода, постановивший сотрудничество заводских организаций ССНИМ и ВАКСМ на совершенно конкретную основу: I. Обмен опытом политко-воспитательной работы; 2. Совершение по трудовым практикам, повышение культурного уровня рабочей молодежи; 3. Взаимопомощь в решении важных производственных, научно-технических задач (применительно к ТРО имелась в виду радиолизационные сбраски продукции и выпуск еще более экономичных переключателей для запорожских трансформаторов).

— Такова суть плана кооперации, а реализация разуместится для многих направлениям, — сказал мне секретарь западногерманской организации ССНИМ Волфганг Маннайт. — Одно из них — быстрое освоение и выпуск в эксплуатацию вертикально-натяжных машин, полученных нами из Запорожья. Вторая такая машина была смонтирована и начала работу на пять месяцев раньше установленного срока. Это сделала молодежная бригада слесарей-сборщиков во главе с Петером Биммлером...

БРИГАДА ИМЕНИ АРТУРА БЕККЕРА

В мае 1958 года испанские фашисты захватили в плен тяжело раненного республиканца, который своим пулевым прикрытием отход товарищей. После нескольких дней мучительных пыток плен-

ного убили. Их был политкомиссар прославленного батальона имени Тельмана, один из руководителей комсомола Германии Артур Беккер.

В марте 1973 года центральный совет Союза свободной немецкой молодежи присвоил одному из лучших представителей молодежных организаций ТРО — слесарей-сборщикам во главе с Петером Биммлером — имя Артура Беккера.

Имя Артура Беккера здесь несет многие рабочие бригады, подразделения Национальной народной армии, студенческие коллективы, а высшая награда ССНИМ — это медаль Артура Беккера. И сам же награда, полученная Петером Биммлером и его парнями, символична. В ней признаение не только удрученного труда, но и ежедневной верности боевому делу коммунистической и рабочей партии. Слесарей с рабочими руками, с головами, с глазами, с обнаженной мускулатурой, как Эрик Тельман, — в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. Всегда действовать, как Эрик Тельман, — в прочном и нерушимом единении с Советским Союзом и его Коммунистической партией! Всегда действовать, как Эрик Тельман, который посвятил всю свою жизнь высшей человеческой цели — свободоедче-нию рабочего класса от угнетения, победе социализма!

В немецком рабочем движении еще со времен Маркса и Энгельса существует термин «политически организованный пролетариат». За этим понятием — масса экономических, исторических, культурных, даже психологических факторов: и страсти речи Карла Либкнехта, провозгласившего в ноябре 1918 года Социалистическую республику Германию, и сокрушительные колонны тельмановской гвардии, вздымавшие кудаки в ротротомом воздухе и четкие, как мэрчи, песни Эрика Бунда, и ясные, определенные политические терминологии в языке.

Эта традиция живет в сегодняшней ГДР, и я знаю, что Петеру Биммлеру абсолютно естественный, ничуть не риторический вопрос:

— Что значит для тебя лично действовать в духе Эрика Тельмана, превратив себя сегодня в классовую борьбу?

Он стал же естественно и просто отвечать:

— Мы гордимся за знание «Коллектива сибирско-альпийского труда». Втайне, конечно, мечтаем называть бригаду именем Артура Беккера, нашего соратника Тельмана. И когда это произошло, поняли, что делаем стоящее дело и что наша работа — тоже вклад в сегодняшнюю классовую борьбу с империализмом, в нашу общую социалистическую интеграцию.

Я продолжал:

ИЗ БЕРЛИНА

— Тебе в этом году — 28. Считаешь ли ты, что столь твердые идеальные позиции молодой рабочий в ГДР приобретают примерно в этом возрасте, не то раньше? Справишься об этом потому, что западногерманская печать не раз писала, особенно во время берлинских фестивалей, о том, что рабочая молодежь ГДР якобы пассивна в политическом отношении, что было бы лишь в годами, «когда семейные заботы заставляют человека ладить с властями, он начинает придерживаться официальной идеологии»...

— Никакой прямой зависимости между возрастом и мировоззрением не вижу. Насчет семейных забот судить не могу, поскольку еще хожу в холостяках. А что касается «официальной идеологии», которая так раздражает господ в ФРГ, то, по-моему, социалистический образ мышления, марксизм-ленинизм — это сама наина жизни. Значит, и моя тоже.

Школьно-аспирантка, пионерская организация имени Эрнста Тельмана. Союз свободной немецкой молодежи, трехлетнее профсоюзованиечище училище при нашем заводе — все это моя биография. Не такая уж длинная, но вполне достаточная, чтобы наметить свою цель в жизни. Потом три года в армии, где я был командиром взвода и должен был объяснять солдатам, что к чему... — это тоже школа. Ну, и теперь здесь, на заводе — уже пять лет.

Мы сидим с Петером в заводском комитете ССНМ, под огромными плакатами «Молодежная акция «Экономика материалов» лист проинформировано в 1974 году 750 тысяч марок прибыли, «Наши обязательства — внести на Банковский счет антиимпериалистической солидарности 10 тысяч марок!». Под конец я спросил его:

— Ты давно вступил в СЕПГ?

— Тут такое дело: я только еще подаю заявление в партию...

Бородав одно из лучших производственных коллективов на одном из самых известных предприятий ГДР было трогательно смушен в эту минуту.

ПЕТЕР БИММАЛЕР
О МИХАИЛЕ КОЛОСКОВЕ

Девиз свободной немецкой молодежи — «Фрайда-шафт!» («Дружба!»). Этим девизом заканчиваются официальные документы ССНМ и выступления перед общественностью. Подобно тому, как в поговорке говорится, что «снеги снегами», «снегибульзы» называют себя «дружинами». Стоят отметить и такую вещь: когда речь идет о сотрудничестве ГДР с Советским Союзом, о братских связях ССНМ с Ленинским комсомолом, то слово «Фрайда-шафт» употребляется непременно в русском значении, пуст с акцентом, но по-русски — «дружба». Это здесь как пароль.

И спрашивали Петера Биммалера:

— Ты же будешь в группе с Михаилом Колесковым. Может быть, встрече с Михаилом Колесковым.

Уже знаю, что с Михаилом Колесковым — сварщик из Запорожского трансформаторного завода, рабочий, с которым давно соревнуется Петер Биммалер, но поскольку от Берлина до Запорожья полторы тысячи километров, я прошу Петера познакомить меня лично с его советским другом.

Мы первые увиделись в ноябре прошлого года, когда в группе молодежи ГДР ехали в Запорожье. Тогда я был еще чудесным человеком. Второе — сварщик высшего звания. Благодаря нашему соревнованию я тоже овладел этой профессией. В-третьих, задался турист. В-четвертых... мой ровесник и тоже холостяк.

А вообще не только эта встреча с Михаилом, но и вся моя первая поездка в СССР была незабываема.

Сам посудим: наш ТРО — единственный в ГДР производитель крупных трансформаторов, предприятие большое, современное, мощное. Но Запорожский трансформаторный завод поразил нас своими размерами, размахом и уровнем производства, чистотой (в цехах даже курить нельзя!). А о том, как нас там встречали, обычными словами я писал в статье в «Молодежной газете». Отечественные, которых очень давно не видели. Конечно, беседы иногда велись, как у нас говорят, «руками, ногами и ушами» — переводчиков не хватало. Ну, а в цехах дело пошло лучше, во всяком случае, мы с Михаилом великолепно понимали друг друга.

Здесь Петер произнес слово, о которое я сразу же сплюхнулся, на которое оказалось очень важно в дальнейшем разговоре. «КОРАТ» — сказал он — КОРАТ — это комплексная социалистическая rationalизация сборки трансформаторов, главнейшая задача завода в нынешней пятитекущке.

ГЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ОБЪЕКТ ЗАВОДА

Итак, КОРАТ. Эта программа была принята в соответствии с решениями VIII съезда СЕПГ. Она предусматривает улучшение условий работы и жизни трудящихся завода, повсеместное повышение производительности труда, интенсификацию производства (с 1971 по 1975 год, на той же площади и при прежнем количестве рабочих, выпуск трансформаторов на ТРО должен удвоиться), и, наконец, разработку новых видов продукции. Именно эти отдельные задачи в целом было поручено выполнить, стало как приятно говорить в ГДР, «молодежным объектом».

Актуальным решением было своим основанием. Уже в 1967 году молодые рабочие и инженеры ТРО взяли под свой контроль радиономотажную сборку ступенчатых переключателей — главной статьи экспортных поставок завода своему предпринимательству в СССР. «Молодежный объект» прекрасно оправдал себя: потребность запорожцев в ступенчатых переключателях полностью удовлетворялась годами, экспортные поставки по этому изделию были ведущими в поставках в изобилии.

За удадший труд молодежного коллектива ТРО, отвечающему за «объект № 1», в 1971 году присвоено почетное звание «Социалистический коллектива «Запорожье». Через год берлинские «запорожцы» получили за созданный ими новый тип ступенчатого переключателя золотую медаль лейпцигской ярмарки и почетный диплом международной выставки «Электро-72» в Москве.

Год назад в Запорожье приехал Петер, рабочий завода «Манфред Фридрих», не колеблясь, подписался на создание нового «молодежного объекта», сокращенно называемого КОРАТ. Осуществление его предполагает еще более тесное взаимодействие немецких и советских «запорожцев» и, в частности, поставки из СССР современного оборудования.

О двух высокопроизводительных вертикально-намоточных машинах, полученных ТРО из Запорожья, уже говорилось. Как, впрочем, и о том, что в досрочном освоении второй такой машины главную роль сыграла brigada Петера Биммалера.

К словам Петера Биммалера стоит добавить, что его прямое сотрудничество и соревнование с Михаилом Колесковым — далеко не единичный пример подобных связей между молодежью ТРО и ЗТЗ. Намотчики Юлий Фриз и Евгений Иванов, токари Вольфганг Дойль и Григорий Сквириков, сборщики Хартум Май и Александр Журавлев — таких дуэтов на обеих предприятиях уже двенадцать. Программа соревнования пошла дальше: директор Вильгельм Гертнер, молодежи и студентам только в Берлине было дано право вступления в социалистические организации ССНМ, которые имели договоры о дружбе с комсомольскими родственными предприятиями в Советском Союзе. А сама первая организация «снегибульзы» на ТРО была удостоена к фестивалю почетного тельмановского звания ЦК СЕПГ. Этой наградой в канун всесоюзного праздника юности привезли молодежи трансформаторного завода имени Карла Либкнехта первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих фон Хонеккер.

«МАСТЕРЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ»

Эмблема международных лейпцигских ярмарок, состоящая из двух букв «M» (от немецкого слова «мастерство» — «ярмарка образцов»), известна во всем мире. Но каждая осень в Лейпциге проходит еще одна ярмарка, о которой за рубежом ГДР знают гораздо меньше, хотя она играет важную роль в экономическом и социальном развитии республики. Сокращенное название этой ярмарки — «Фрайда-штадт» («город») что расшифровывается как «Ярмарка мастеров завтрашнего дня». Ежегодная выставка от реализации промышленных образцов идей, представленных на этом смотре научно-технического творчества молодежи, превышает по всей Республике полмиллиарда марок.

Движение «МММ» — один из главных критериев, по которым оценивается здесьработка первичных организаций ССНМ. На заводе имени Карла Либкнехта вся молодежь — «мастеров завтрашнего дня». От этого говорят мне Петер Биммалер, но я все-таки уточняю:

— Вся рабочая и инженерно-техническая молодежь на заводе — «мастера»!

— Да — подтверждает он. — Можешь записать, что экономическая выгода молодежного новаторства на предпринятии составляет в этом году 3,9 миллиона марок.

Руководитель «Коллектива социалистического труда» brigады имени Артура Беккера, разместился активно участвует в этом движении. Он в контролльной комиссии, которая садится за ежедневный вкладом «мастеров завтрашнего дня» в развитие коллектива «Фрайда-штадт». Он же ведет несколько коллегиальных производственных разработок по линии «МММ». Он и настойчиво подчеркивает в разговоре со мной связь между новаторством «тронцов» и их сотрудничеством с комсомольцами из Запорожья.

Вот ты напишешь про нашу работу с советским вертикально-намоточным станком... — Петер машинист рисует на листе бумаги маленький кружок. — Расскажешь оbrigade из пяти человек. Все это там. Но ведь над основоположником новейшего конструктивного оборудования в ГДР присуждены КОРАТ рабочие больше двухсот парней в действующем. Рука терпит на том же листе большой круг с цифрой 200. — Скажем, намотчик Инго Ретцхайлер. Он стажировался на ЗТЗ, очень неплохо знает русский язык, сам читает советскую техническую литературу — и только за один год его радиационаторские предложения сэкономили ТРО около 32 тысяч марок. Таких примеров много. Ты, кстати, знаешь о приказе министра Здэле?

Мин об этом неизвестно, и Петер рассказывает, что два года назад, во время очередной весенней ярмарки в Лейпциге, распоряжением министра промышленности Хайнца Хайденберга организовано в ССНМ во вспомогательном образовании «Электротехника. Экспорт-импорт» и на трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта был доверен контроль за качеством и своевременность поставок оборудования в СССР и за использование советского оборудования на ТРО. Это поручение было названо «молодежным объектом имени Герман-советской дружбы».

МОЛОДЕЖНАЯ ИНИЦИАТИВА «ГДР-25»

Мимо трансформаторного завода мне приходится проезжать довольно часто, поскольку улица, где он расположен, выходит из Берлина в главные автострады республики. Как-то раз у самого ТРО образовалась автомобильная пробка: из заводских ворот выпадал железнодорожный состав, груженый огромными трансформаторами. По борту тепловоза был укреплен транспарант с надписью «Молодежь ГДР — «ГДР-25»».

Этот долгий стоянка — один из самых известных в республике, приближающийся к своему славному четвертьвековому юбилею. Союз свободной немецкой молодежи развернул широкое социалистическое соревнование наставству праздникам. Как и все другие организации ССНМ, «трончики» привели свою «боевую» программу подготовки к 25-летию ГДР. Железнодорожный состав с трансформаторами был волоплощен в жизнь одного из пунктов в этой программе: «молодежь ТРО может свою силу выпустить в выполнение социалистического обязательства — всем коллективом — дать сверх плана на 2 миллиарда марок».

В немецком языке есть трубо переведенное на русский слово «ауфбитт». Дословно оно означает «привозглашение», «примыка», а по существу — «богатство», «главная цель». Что же является основной деятельностью ССНМ завода в юбилейном году, в честь суть этого самого «ауфбитта» молодежи ГДР и конкретно — brigады имени Артура Беккера?

Работа. Учеба. Дружба. — ответил мне Петер Биммалер, причем третье слово он произнес по-русски.

Берлин, март 1974 г.

Королевский сын

Со стр. 11.



ко, эта компания обладала одним ставленным свойством: в ее водовороте гасла любовь обмана. Раньше. А теперь все помешали в дела, в семейность, и хотя каждый старался показать себя в прежнем виде, но новая натура брала свое. Они все покрылись заботами, как рыбьи чешуи, как рыцарь стальным доспехами. В доспехах было здорово общаться с неизнакомыми людьми, но с товарищами они мешали, прятали их друг от друга.

Но заперто — значит, дома. Петр Бусыгин стоял посеред мастерской, оглядывая на плечах неведомое двою — белую сорочку. Старый свитер, верный и безответственный друг, был засунут между батареей и стопкой старых этюдов. Комнату поражало, какая это несомненная прибранистость и чистотой. Она сама себя удавала... Но ходил, видимо, полагая, что все это в порядке вещей. Ему не очень пристально выбрал и нес на себе занав парикмахерского ширпа.

— Или жеиншик? — с порога спросил Таня.

— О, кто принес, кто привел? — Бусыгин снял с дивана свою зимнюю-летнюю кожанку и аккуратно повесил на крючок (в будущем времена — метнул бы на подоконник, а если сламит, то пускай). — Оттуда и зачем? Рассказывать мне все по порядку. Вообще опишите мне свою жизнь за минувший период. И не скрывайте. Скрытанность не украсит женщины, а наоборот.

— Постараюсь быть яснее. — Таня сделала из обрамления газеты куличек и закрутила, страждая туда пепела. — Только вчера рассталась. Идея даже сего дня. Уже забыла?

— Не забыла, а соскучилась! — Бусыгин был настроен на галантный лад, а значит, всякий разговор будет он переворачивать на свою неразделенные чувства. Ясное дело, в шутку.

— Остаток ночи у меня прошел в сладком тумане. Куда-то шел, чего-то искал. Пришел в себя только здесь, в любой студии. Нашел прошект выставки и оказался на какой-то юношеской странице. Там эта времена пахала на выставке, а я сидел в кресле и слушал их. Могли бы помочь? Человек стремится к лучшему, понима? К сожалению, неизвестен. Быстро дойдет, рукается. Ну, подумал я и об этом и тут же заснул. Буро ребенок. А проснулся и потащился из Ильзомайло. Переночев там есть один симпатичный. Старый такой. И танет от меня, и поет, и спрашивает. Как зуб? Ну, сделала я этго, слала боту: Желаешь... — клянца.

— По изобретенным законам психических движений, глядя на веселого и спокойного Бусыгина, Таня вновь следила жаждо себя и Павлана, и взяла злость на него обоих. Как он сейчас мучается за свои стихи... В отместку Таня здорово раскрятиковала бусыгинский этикет, хотя бы он не так уж лихо. Петр оторвалась, но виду не подала.

— Ничего тебе не понимаешь. Самый обжиговый похмельный этикет. Запиши потом в мемуарах, что был он написан сразу после выставки. Непосредственно на другой день. И что неуступчивый художник-творец никогда не засыпал в Петре Бусыгина. А таля в нем, и горел в нем, и пылая во всю.

И чем дальше — тем пуще, позывай! Кто тебе вчера провожал-то?

— И это Николай?

— Или это Николай?

— Ничего. Провода и дальше поиска.

— Одобрию. Не жалко, чт то-то между нами стоя. Расточку мерзавца.

Кстати, что там этот молодой человек?

— Ничего. Все нормально.

— Лучше для него, хуже для меня. Понял?

— Нет.

— Я разтурю.

— Он сегодня С пожаловал?

— Таня, я сердечно.

Сказав эту загадочную фразу, произвольно взявшую им из обширного короба многоизначенный, похмельный художник непоследовательно взглянула, на часы. Таня ублизнулась.

— Ты комникуйду ждешь?

— Специальны — нет никого. А вообще должна зайти Ленка.

Ленка была воспитанницей блондинки двадцати лет от роду. Каким-то ветром ее занесло в Ильзомайло. За полчаса выяснилось, что у нее первый разряд по теннису. Камо кинул ее в глаза Петр Бусыгин. И тут же вспомнил эти псевдобычи какого-то великого художника. Камо — она ее помнит. Зато эта великолепно помнила название всех остальных ансамблей и по именины пытались втянуть компанию в детальное сравнение: Кристалловой с Миниаркой. Ее мякко перебили и продолжали ругать театр абсурда. Ленина внимательно слушала и заключила разговор скромным замечанием, что внешность для нее не главное. Тут Бусыгин в нее и влюбился. Сначала он сам не знал, за что, а потом понял — за наивности. «Отдыхаю я с ней...» — честно говорил он Тане. И Таня сказала: «Погоди». Отдыхаю от вас, чертей заумных, а главное, от самого себя. Иной раз такие в голове крутиятся — нету спасу. А посмотри, на Леночку, и все как рукой.

Таня встала, стражднула пепел в корзинку.

— Пойду, пожалуй?

— Да ты что — с ума? Никуда не пущу, оставайся. Уйдешь — испортишь нам вечер. Если не Ленке, то мне во всяком случае. И потом, что это за мода новая: лучшим друзьям перечить? Оставайся без никаких. А не то — разрыв, обида, горький осадок в глубине души. Понятно?

Шестое чувство — дружеское. Петр почудя, что ей худо, и теперь всячески пытаясь помочь. Для этого он ломал свое праздничное настроение, отпуская из памяти своей персоны, что было не так уж часто. Словом, старалась, как умеет. Нет, нужно уходить.

Бусыгин попрощался с ней недовольным голосом: но легко и без горечи. Заступая под ногами булыжник, она вышла в полосу фонарей и увидела на торце здания Ленинградскую, которая сияла королем драгоценных раб в зорь, стройные башни высокие были, символы в медных пражек, японский зефир, гордо-несущийся над всем парижем. Таня не стала вглядываться в лицо, потому что знала и так: красивое. Быть может, Бусыгин полюбил ее за эту блещущую в глазах обаятельность, за то, что сущность ее может быть выражена ступбо живописно, а разговор и описание остаются за бортом, как искусство неизгаджественное, да к тому же мешающие Ленке скользить. За спиной дамманился развалины их старой компании.

А Василья дома не было. Однадцатый час, мама ушла на дежурство, а этот разбойник бегает неизвестно где. Сначала Таня уложила себе тем, что, если он все-таки вернется, она его отменно накажет, может быть, даже отшлепает. Отслыхая себя этими мыслями, она села умываться. Надела в стакан кифер, сделала бутерброд. Потом неожиданно для себя высокочила в переднюю, схватила с зеркала ключи и бросила винт на алтарь.

— Оля, Яковлевна, где Василь? Вы не видели? Он прогебает?

— Ох, да не сидела я. Носились они все где-то поблизости. Кричали, че-то.

— Давно это было?

— Может, час. Или больше. Да не волнуйся, что ему сделается? Они постоянно курючими, нациами эти. Поди-поди — хуже будет. Сестра пишет, племянник у нее на каком-то паузе сплюнулся. Чуть не утон. А твой, наверно, в парк побежал. Тут недалеко, через дорогу.

— Я ему не разрешаю через дорогу! Ему категорически запрещено! И он не это этого сделает... Оля, Яковлевна, я пойду посмотрю...

Лифтерша, окружающая кичуща головой. В доме все уже привыкли к тому, что Таня постоянно испытывает, а Таня постоянно его разыскивает. Многие Тане сочувствуют и помогают Василью ловить, но это было затух невыносимым.

В парке не было ни души. Таня побежала домой, крикнула на ходу Ольге Яковлевне: «Не прогебай!», открыла дверь и схватила телефонную книжку. Ольга стала звать всем его приятелям и друзьям и задавать им бесполезные вопросы. Выяснилось, что Василь всех успел известить, со всеми играя в шахматы и всех обсыпывая. Больше одного сеанса он не давал, так как, видимо, пытались совместить увлечение мудростью, неспешной игрой и любовью к кипящему. Таня схватила телефонную книжку Геникии мамы, позвонила залам и раздалась громко. Геникия мама говорила залам и раздалась громко. Таня сначала соглашалась с ней, приговаривая «я накажу», «я накажу», а потом тоже раздалась и выдала белого Генку, сказав, что он на земле не ходит, а вместо этого смотрел и кино Франтомас.

Таня кинула взгляд на пишущую машинку. «Всех облаграйст, надо же...» подумала она между делом. — Нет, неприменимо нужен ему всему учить, разывать его всесторонне. Еще она подумала: «А кто у него мать? Я у него мать». И тут же вспомнила, что мать умерла, когда она родилась. А она в это время продолжала сидеть у дверей. Горький убор разлагался чуть не с ног белый, глаумый Василь! Может, он забудет! Или пойдет в беду? Он же совсем маленький, он же тоже притворяется сорванцом... Бежать в магазин! Или рано? Но это же их дочь, они должны помочь.

Ох-о-о! Как пинут в детективных, напав на след. Василь был у Леночки помалкив назад. Но в шахматы она, к сожалению, еще не умела, и поэтому пробила недолго. От нее собирались в Бытке. Нет, домой не собирались.

Позовину Виталька — не заходи. Да и Виталька бегал неизвестно где, его мама не знала, куда он вышел во двор и прибирать. Неудобно! Ничего, он не очень громок! Таня отыскала свою несколько разбитую кипящую «Василь, немедленно домой!» Интересно, далеко ли разнеслись звуки? А может быть, он сам слышит и не знает? Почти каждый день такие мучения. Тем более сейчас весны.

Она прошла по квартире, заглянула по очереди во все окна. Василь не было. А может, он куда-нибудь проводилась? Он же лазит под здание. Сострия и не может выбраться. Кричит, а ей никто не слышит. Господи! Она опять сорвалась с места, метнувшись к телефону, раздумала, бросила винт в лестница. Пустой черный, белокладый двор. Шоров. Цареванье. Далекий заламский спиртозавод. Виталька, откуда-то из глубины раздалось тихое пение курицы и кустики, зеленые, деревья, цветущие. Слышалась вон из рота сына Васильку, потного, запахивающегося, прижимающего к себе шахматную доску. Он махал, как дунунь злыдь, легко, неслышимо, поплавательно простоявший носом. Домой? Вряд ли. Но вот он увидел мать, и наяваждение испело. Василь перенял на ослицкий добродородчный шаг.

— Мам, да у кого часов не было, чтобы умыться — сказал он, прерываясь неописанными подозрениями. — И потом светлая ведь.

— Где смело! — От счастья у нее не было сча сердиться — Где ты видишь света?

— На тебе.

— Василь! Я тебя сейчас накажу.

Она крепко взяла его за плечо и повела в дом. Черный двор обступила из всех сторон. Пока они, пока кричали, что Василь в любой момент может раствориться, исчезнуть, ударились в безлюдную бетонию, обмытьте всяких шахмат, сочинить со скляек, обмытьте. Собственно, у кого есть еще такой ребенок? Таня с опаской и строго поглядывала на него и крепко прижалась к себе лохматую голову.

Дома она, конечно, его не наказала. Несколько. Она сначала отмыла Васильку, потом накормила, потом уложила спать. Потом легла сама. Закурила. Быстро — не пыльца. Таня вдруг подумала, что она тоже должна погладить себя. На минуту ее сморкала син, потом она заснула, проснулась и в тот какую-то минуту.

— Жила-была королева. И была у нее единственный и любимый сын Василь.

— Сын королевы немного состарился, а Василь взял и подрос. И стал он большой-пребольной и умный-прумный. И все умели. А люди королеву спрашивали:

— «Как же вам удалось вырастить такого красавца?» А она им трубо отвечала:

— «Василь, не ворочайся, син сейчас же! О чём ты думаешь?

— «Про корабль.



Рисунки Олега ТЕСЛЕРА



17 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЫ

Начало см. «Смены» № 6 7

ТРЕТИЙ ТУР

В соревновании, третьем туре шахматной олимпиады внимание читателей привлекли две задачи: разбор комбинаций и фрагментов из шахматной практики, а также небольшой конкурс познаний.

Запомините, пожалуйста, что в соревновании на третий тур следует подавать задачи адресом редакции в следующие сроки: до 15 августа по 15 августа этого года.

Условия задач № 1 (три балла) — белые начинают и дают мат в два хода, № 2 (четыре балла) — белые начинают и дают мат в три хода.

да. В этюде (четыре балла) белые начинают и выигрывают. В позиции из шахматной практики (один балл), где очередь хода за черными, требуется доказать, как должны действовать при наилучших действиях своих соперников.

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!



II



III

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?



ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО



КОНКУРС «ПРОГНОЗВ

В предварительном финальном матче претендентов на мировую шахматную корону, который начнется в сентябре в Багузе, мы предлагаем участникам нашей олимпиады попробовать свои силы в прогнозировании.

Формула «боя»: Виктора

Корчного и Анатолия Карповича — игра до пяти побед одного из них. В случае если будет ничья, то в дополнительном турнире в 24 партии, то победителем определят даже минимумом разницы очков в общем счете. При итоговом результате 12:12 будет брошен жребий.

Итак, два вопроса нашего конкурса прогнозов (из приведенных отвечают на них и присыпаются по два балла):

1. Сколько партий понадобится для выявления сильнейшего финалистов?

2. И с максимумом сколько (без учета ничьих) будет со

пустынью успеть?

СВЕРТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Приносям сокращенное виде ответов на шахматные задачи третьего тура олимпиады, опубликованные в № 7.

Задача № 1. Ke1 - g2!

L1g5 f6 + 2. Fh7 - b6x!

этюд 1. c5 - a5 a3 - a2

2. a5 - a4 a2 - a1

Cf4 - e5 Fa1 - a2 4. cb - c7

5. c4 - c5 - c7 - c8# Fc4: c7

6. c8 - c7 - c6 - c5

7. c5 - c4 - c3 - c2

8. c2 - c1 - c0 - c1

9. c1 - c0 - c1 - c0

10. c0 - c1 - c0 - c1

11. c1 - c0 - c1 - c0

12. c0 - c1 - c0 - c1

13. c1 - c0 - c1 - c0

14. c0 - c1 - c0 - c1

15. c1 - c0 - c1 - c0

16. c0 - c1 - c0 - c1

17. c1 - c0 - c1 - c0

18. c0 - c1 - c0 - c1

19. c1 - c0 - c1 - c0

20. c0 - c1 - c0 - c1

21. c1 - c0 - c1 - c0

22. c0 - c1 - c0 - c1

23. c1 - c0 - c1 - c0

24. c0 - c1 - c0 - c1

25. c1 - c0 - c1 - c0

26. c0 - c1 - c0 - c1

27. c1 - c0 - c1 - c0

28. c0 - c1 - c0 - c1

29. c1 - c0 - c1 - c0

30. c0 - c1 - c0 - c1

31. c1 - c0 - c1 - c0

32. c0 - c1 - c0 - c1

33. c1 - c0 - c1 - c0

34. c0 - c1 - c0 - c1

35. c1 - c0 - c1 - c0

36. c0 - c1 - c0 - c1

37. c1 - c0 - c1 - c0

38. c0 - c1 - c0 - c1

39. c1 - c0 - c1 - c0

40. c0 - c1 - c0 - c1

41. c1 - c0 - c1 - c0

42. c0 - c1 - c0 - c1

43. c1 - c0 - c1 - c0

44. c0 - c1 - c0 - c1

45. c1 - c0 - c1 - c0

46. c0 - c1 - c0 - c1

47. c1 - c0 - c1 - c0

48. c0 - c1 - c0 - c1

49. c1 - c0 - c1 - c0

50. c0 - c1 - c0 - c1

51. c1 - c0 - c1 - c0

52. c0 - c1 - c0 - c1

53. c1 - c0 - c1 - c0

54. c0 - c1 - c0 - c1

55. c1 - c0 - c1 - c0

56. c0 - c1 - c0 - c1

57. c1 - c0 - c1 - c0

58. c0 - c1 - c0 - c1

59. c1 - c0 - c1 - c0

60. c0 - c1 - c0 - c1

61. c1 - c0 - c1 - c0

62. c0 - c1 - c0 - c1

63. c1 - c0 - c1 - c0

64. c0 - c1 - c0 - c1

65. c1 - c0 - c1 - c0

66. c0 - c1 - c0 - c1

67. c1 - c0 - c1 - c0

68. c0 - c1 - c0 - c1

69. c1 - c0 - c1 - c0

70. c0 - c1 - c0 - c1

71. c1 - c0 - c1 - c0

72. c0 - c1 - c0 - c1

73. c1 - c0 - c1 - c0

74. c0 - c1 - c0 - c1

75. c1 - c0 - c1 - c0

76. c0 - c1 - c0 - c1

77. c1 - c0 - c1 - c0

78. c0 - c1 - c0 - c1

79. c1 - c0 - c1 - c0

80. c0 - c1 - c0 - c1

81. c1 - c0 - c1 - c0

82. c0 - c1 - c0 - c1

83. c1 - c0 - c1 - c0

84. c0 - c1 - c0 - c1

85. c1 - c0 - c1 - c0

86. c0 - c1 - c0 - c1

87. c1 - c0 - c1 - c0

88. c0 - c1 - c0 - c1

89. c1 - c0 - c1 - c0

90. c0 - c1 - c0 - c1

91. c1 - c0 - c1 - c0

92. c0 - c1 - c0 - c1

93. c1 - c0 - c1 - c0

94. c0 - c1 - c0 - c1

95. c1 - c0 - c1 - c0

96. c0 - c1 - c0 - c1

97. c1 - c0 - c1 - c0

98. c0 - c1 - c0 - c1

99. c1 - c0 - c1 - c0

100. c0 - c1 - c0 - c1

101. c1 - c0 - c1 - c0

102. c0 - c1 - c0 - c1

103. c1 - c0 - c1 - c0

104. c0 - c1 - c0 - c1

105. c1 - c0 - c1 - c0

106. c0 - c1 - c0 - c1

107. c1 - c0 - c1 - c0

108. c0 - c1 - c0 - c1

109. c1 - c0 - c1 - c0

110. c0 - c1 - c0 - c1

111. c1 - c0 - c1 - c0

112. c0 - c1 - c0 - c1

113. c1 - c0 - c1 - c0

114. c0 - c1 - c0 - c1

115. c1 - c0 - c1 - c0

116. c0 - c1 - c0 - c1

117. c1 - c0 - c1 - c0

118. c0 - c1 - c0 - c1

119. c1 - c0 - c1 - c0

120. c0 - c1 - c0 - c1

121. c1 - c0 - c1 - c0

122. c0 - c1 - c0 - c1

123. c1 - c0 - c1 - c0

124. c0 - c1 - c0 - c1

125. c1 - c0 - c1 - c0

126. c0 - c1 - c0 - c1

127. c1 - c0 - c1 - c0

128. c0 - c1 - c0 - c1

129. c1 - c0 - c1 - c0

130. c0 - c1 - c0 - c1

131. c1 - c0 - c1 - c0

132. c0 - c1 - c0 - c1

133. c1 - c0 - c1 - c0

134. c0 - c1 - c0 - c1

135. c1 - c0 - c1 - c0

136. c0 - c1 - c0 - c1

137. c1 - c0 - c1 - c0

138. c0 - c1 - c0 - c1

139. c1 - c0 - c1 - c0

140. c0 - c1 - c0 - c1

141. c1 - c0 - c1 - c0

142. c0 - c1 - c0 - c1

143. c1 - c0 - c1 - c0

144. c0 - c1 - c0 - c1

145. c1 - c0 - c1 - c0

146. c0 - c1 - c0 - c1

147. c1 - c0 - c1 - c0

148. c0 - c1 - c0 - c1

149. c1 - c0 - c1 - c0

150. c0 - c1 - c0 - c1

151. c1 - c0 - c1 - c0

152. c0 - c1 - c0 - c1

153. c1 - c0 - c1 - c0

154. c0 - c1 - c0 - c1

155. c1 - c0 - c1 - c0

156. c0 - c1 - c0 - c1

157. c1 - c0 - c1 - c0

158. c0 - c1 - c0 - c1

159. c1 - c0 - c1 - c0

160. c0 - c1 - c0 - c1

161. c1 - c0 - c1 - c0

162. c0 - c1 - c0 - c1

163. c1 - c0 - c1 - c0

164. c0 - c1 - c0 - c1

165. c1 - c0 - c1 - c0

166. c0 - c1 - c0 - c1

167. c1 - c0 - c1 - c0

168. c0 - c1 - c0 - c1

169. c1 - c0 - c1 - c0

170. c0 - c1 - c0 - c1

171. c1 - c0 - c1 - c0

172. c0 - c1 - c0 - c1

173. c1 - c0 - c1 - c0

174. c0 - c1 - c0 - c1

175. c1 - c0 - c1 - c0

176. c0 - c1 - c0 - c1

177. c1 - c0 - c1 - c0

178. c0 - c1 - c0 - c1

179. c1 - c0 - c1 - c0

180. c0 - c1 - c0 - c1

181. c1 - c0 - c1 - c0

182. c0 - c1 - c0 - c1

183. c1 - c0 - c1 - c0

184. c0 - c1 - c0 - c1

185. c1 - c0 - c1 - c0

186. c0 - c1 - c0 - c1

187. c1 - c0 - c1 - c0

188. c0 - c1 - c0 - c1

189. c1 - c0 - c1 - c0

190. c0 - c1 - c0 - c1

191. c1 - c0 - c1 - c0

192. c0 - c1 - c0 - c1

193. c1 - c0 - c1 - c0

194. c0 - c1 - c0 - c1

195. c1 - c0 - c1 - c0

196. c0 - c1 - c0 - c1

197. c1 - c0 - c1 - c0

198. c0 - c1 - c0 - c1

199. c1 - c0 - c1 - c0

200. c0 - c1 - c0 - c1

201. c1 - c0 - c1 - c0

202. c0 - c1 - c0 - c1

203. c1 - c0 - c1 - c0

204. c0 - c1 - c0 - c1

205. c1 - c0 - c1 - c0

206. c0 - c1 - c0 - c1

РА-БО-ТА

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Серафима ТУЛИКОВА

Рассветных лучей позолота
По крышам, по окнам плывет.
Работа, работа, работа

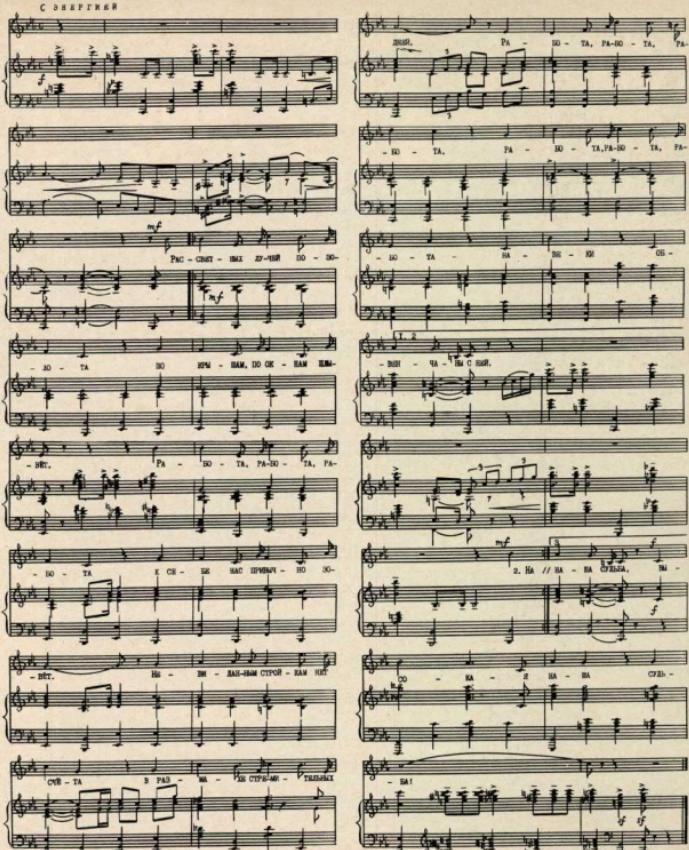
**Невиданным стройкам нет счета
В размахе стремительных дней.
Работа, работа, работа —
Навек мы обвенчаны с ней.**

На тракторном трудится кто-то,
А кто-то в далеком селе.
Работа, работа, работа
Прекрасней всего на земле.

О Родине наша забота,
Спешим на Урал и Донбасс.
Работа, работа, работа
Счастливыми делает нас.

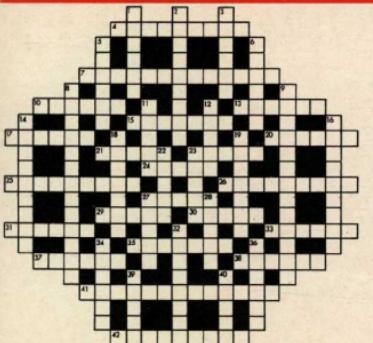
Не ради наград и почета,
А ради людей мы живем.
Работа, работа, работа
Бессмертна в порыве своем.

Нам крылья дает для полета,
Растит и людей и хлеба.
Работа, работа, работа —
Высокая наша судьба!



КРОССВОРД

Составил Е. ЗОТОВ,
г. Липецк



По горизонтали:

4. Прибор для измерения кривых линий на картах. 7. Укрепление, художественное изображение. Десятибройч, чемпион. 10. Краска из глины. Город Новгородской земли. Роман Юрий Санд. 17. Марш промышленных предприятий. 20. Техника для уменьшения скорости или остановки в движении. 23. Краска Балтийского моря. 25. Страны, национальный инструмент народов Азии и Индии. 26. Детали ходовыми колесами. 27. Часов. 25. Роман. 3. Золото. 30. Страна, где прошла встреча. 27. Сибирь. Сечение руки реми, переданные по телефону. 31. Таннованный распорядок труда, учебы, отдыха. 32. Страна, где прошла встреча. 33. Слово, определенное вспомогательным понятием в химической классификации элементов. 37. Знакомый химический элемент. 38. Страна, где прошли первые соревнования по производству. 39. Русская народная песня. 41. Холм народной культуры.

стая местность, значительно приподнятая над уровнем моря. 42. Советская детская писательница.

- П о в е р х н и ю :**

 1. Поз. Герой Социалистического Труда. 2. Химический элемент. 3. Машинная лягушка. 4. Красная лягушка. 5. Один из руслов сапомета. 6. Советский летчичек. 7. Весна. 8. Родина. 9. Основной извергатель ведра судов. 11. Газета Итальянской рабочей партии. 12. Дядя Федоров. 13. Супружеское дерево. 14. Национальный лимон. 15. Страна, где живут смешные. 16. Вид энергии, обрауцующийся при нагревании. 17. Страна, где живут погибшие руки. 22. Специальный сооружение для ремонта самолетов. 23. Одна из птиц семейства стрелок. 24. Слуги планеты. 25. Марс. 28. Персонаж комикса. 30. Страна, где живут Ариадна и Киренна. 32. Цветок. 34. Дерево семейства ивовых. 35. Виноградник. 36. Тропинка. 39. Королева. 40. Денежница единиц. 41. Венгрия.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12**

По горизонтали:

«Детство» 7 Ф

- рист. 10. Бурение. 11. Дагомея. 14. Сенонок. 18. Дирижер. 19. Веселенский. 20. Городской. 21. Годунов. 22. Годула. 25. Ильинка. 28. Диаметр. 29. Горнист. 31. Правдильца. 32. Норшнен.



● СКУЛЬПТОР НИНА КОНЕНКОВА.

▲ НЕГРИТИАНСКАЯ ПЕСНЯ.

■ АЭЛИТА.

▼ ПЕВЦЫ.

ЗРИМЫЕ ОБРАЗЫ



Творения скульптора — это почти реальность. Они объемны и существуют в том же пространстве, что и изображаемый предмет. И тем не менее в скульптуре остро ощущается противоречивое единство неодушевленного материалом и замыслом звания, замысловатым, который, одухотворяя дерево или камень, становится для этого зрымым образом.

И когда художник выгравирует этот поединок с матерью, мы говорим: «Он хорошо чувствует материю».

Вглядитесь в работы московского скульптора Нины Коненковой... «Аэлита». Она словно бы движется на встречу тому, что открыто ее внутреннему виду. И Естественность рисунка древесных волокон передает ощущение пространства, струящегося, рассступающегося перед этим плавным, но неудержимым движением.

«Негритянская песня». Гипс. Здесь все — голос, здесь все — музыка. И глаза, и рот, и ладони, оберегающие и поддеркивающие эту долгую, эту склонную песню.

А деревянные «Певцы» поют совсем по-другому, а их яркие костюмные детали, пренебрежение к физиognomии частности отдельно — все это заставляет почтительно воспринимать эти зоркие, озорные, насыщенные певческие ансамбли.

Мы публикуем репродукции трех работ Нины Коненковой. А их у нее более трехсот. Но по этим репродукциям можно составить представление и о художественной зоркости скульптора и о его способности сообщить своим замыслам энергию, которая, прорываясь сквозь каменность материки, сплавляет суть образа с его вещественным выражением.

Борис АНДРЕЕВ